

ПАНИХИДА
ПО
БЕЗДНЕ

ГАВРИИЛ ДАНОВ

Гавриил Данов

Панихида по Бездне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25558495

ISBN 9785448563041

Аннотация

Город, потопленный в темноте, одичавшие твари, что сочатся злобой, и проклятье, укоренившееся в судьбах каждого, кому не посчастливилось оказаться здесь, в лоне присносущего мрака. Эта книга про зло, боль и свет, что должен гореть над головами.

Содержание

Глава 1. Незыблемый	5
Глава 2. Грань	8
Глава 3. Сломанная вывеска	18
Глава 4. Мигающий свет	38
Глава 5. Собор	56
Глава 6. За замкнутой челюстью	68
Глава 7. Чёрная утроба	75
Глава 8. Ответ	85
Глава 9. Залитый зелёным огнём	100
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Панихида по Бездне

Гавриил Данов

© Гавриил Данов, 2017

ISBN 978-5-4485-6304-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Незыблемый

В беспроглядной, вязкой темноте, в глухой тишине. В беспощадном холоде, над распростёртым морем из гнилой воды. На каменном утёсе. Там одинокий монумент, весь покрытый застывшей чёрной магмой от когда-то бушевавшего огня. С несклонной осанкой он стоит, застыв взглядом на пустоте. Его исколотые неумолимым ходом времени ложбины овили жадные до влаги языки. Лианы, корнями разрывающие стан и упивающиеся кристальными слезами на каменном лице. Извечный холод кроет его инеем, а чёрная трава внизу щекочет ноги. В терпеливом молчании стоит здесь этот монумент и, веруя, ждёт своего часа.

Века для камня уже быстрее минуты, а годы – быстрее секунд. Время летит мимо него, задерживаясь лишь для того, чтобы изрезать тело новой каменной морщиной. И за всеми идущими мимо него мгновениями его усталые глаза внимательно следили и наблюдали, неспособные отвернуться. Чёрный монумент смотрел, как опустели стальные коридоры, как в скальный потолок бил яркий свет, как из расколотого неба лилась вода, заполнив бесконечность под ногами, и как пали в темноту ещё более тёмные души. Он наблюдал, как издыхал мертвец, держа его в своих холодных, но заботливых руках. Чёрный монумент смотрел и плакал по нему так горько, как никто из тех, кого усопший ко-

гда-либо любил. Камень видел изменчивый мир вокруг, весь неумолимо бесконечный ход с того самого момента, как был рождён на свет. Он помнит всё это, ибо забыть ему не дано.

Когда-то всё было иначе. Задолго до всех этих огорчающих событий. Столетия назад камень был иным. Он был высоким, гладким, белоснежно-белым. Нетронутым Времени Отцом. Тогда он преграждал дорогу смелым дуракам, как ему велел родитель. Тогда на его могучей каменной груди, всем на обозрение, зияли тяжёлые слова, что вмиг могли смирить бунтующие нравы приходящих бравых наглецов.

О, те слова имели пугающую силу. Их смысл пестреет мудростью даже сейчас, когда чернеющая корка скрывает их от сторонних глаз. Мог бы в те давние мгновения подумать их писавший, что, даже пав в бездонную, немую черноту, они продолжат нести смысл? Пускай сейчас не сыщешь способных прочесть, пускай за плотной коркой магмы их и не увидишь, слова всё ещё сияют на груди незыблемого стража. И даже будучи неозвученными, они будут возникать в умах пришлых как символ неизменной очевидной правды.

Чёрный монумент всё знает и всё понимает. Он нестигаемо терпит на себе нападки времени, неся свой долг, лишь потому, что хранит в уме слова, слетевшие с губ, кажется, самой природы. Она обещала, что чёрный камень снова озарится светом, что когда-нибудь его обдуют свежие ветра востока. Певучий голос прекрасной сладострастной девы обещал, что когда-нибудь камень станет постаментом самой

жизни. И потому сейчас он не прогнётся. И потому будет нести свою заботу, смиренно терпя вечность. До тех пор, пока судьба не возвратит его истерзанное тело на свет, вязкая темнота будет обступать его несклонную спину, а забытые письма будут отзываться неслышным гласом в чёрной пустоте Бездны.

– Прости меня, – промолвила фигура в тёмном.

Молчанием ответил ей мертвец.

Глава 2. Грань

Прохладная вода холодит закипающий ум. Несильное течение ласкает затылок, развивая волосы в потоке. Он медленно прикрывает глаза, впуская мягкую темноту в свои заполненные битым стеклом чертоги. Нежный звук воды проносится сквозь разум и, с едва заметным шипением остывающих нервов, уносит бушующие мысли с собой, вниз по течению. Тело заполняет струящаяся лёгкость. Она освобождает его конечности от гневливых спазмов. И вот тело уже растворяется в воде. Медленно срастается с безмерно прелестным потоком.

Этого бы он хотел. Всеми остатками своей скисшей души он хотел бы, чтобы именно эта манящая иллюзия приснилась ему сегодня. Но сны не хотят его приютить. Мозг, окропляемый повторяющейся чередой мыслей, привык заходить в тупики и не способен сейчас окунуть пылающую голову в эту прелестную фантазию. Потому он мечтает о сне, вместо того чтобы его видеть.

Несмотря на окружение, что наполнено мягкой периной, он не спит. Несмотря на свежесть с моря, на лёгкий лунный свет, на ароматную сирень, что в двух шагах от дома, и на приглушённые звуки природы. Несмотря на всё, исходящее комфортом, столь приятным, что, кажется, самому миру нужно, чтобы он уснул, дрема не желает его даже коснуться.

Что-то неизвестное для него нещадно жалит и без того изжаленные нервы.

Он замирает, надеясь на глубокий сон, и окунается в борьбу со своей же собственной головой. Пытается ровно дышать. Отбросив свои мечтанья о чудесном сне в угоду хоть какого-нибудь, пытается отстраниться мыслью от чего-то конкретного. И спустя часы его потуги приносят пользу. С глубоким вдохом вниз льётся мир. Ощущенья, запахи и звуки – всё медленно стекает вниз, плавясь и устало искажаясь в восприятии. Сплошной туман накрывает бесконечную череду образов в голове. Из практически беспроглядной дымки выходит мысль. Наиболее чёткая по сравнению с иными.

«Кажется, оно».

Он никак не может разобрать, что несёт собой эта странная опьяняющая иллюзия. Подаётся чуть вперёд, окунается поглубже в дрёму, хочет всё самостоятельно проверить. Мягкие стенки мира обволакивают его голову, открывая ему пропасть за собой. Лицо обдаёт смрадом. Сплошное облако гнилой пакости, что витает над перегнившей кучей. Там, внизу, варево, отвратная каша из мыслей и эмоций. Он наплодил это своим буйствующим разумом. Прилежно сцеживал, не желая разбираться. Выбрасывал именно сюда, когда считал, что слишком устал, чтобы копать. Здесь ему знаком каждый уголок. Каждая небольшая часть, осколок или попросту частичка. Всё прошло сквозь ненависть в его созна-

нии.

Мир, подобно сыпучим пескам, тянет его именно туда. Он понимает это, и всё тело покрывает жуткой дрожью. До безумия боится, хочет всем своим нутром избежать того, во что его погружает расплавленный мир, полностью сторонясь той ясной как день мысли, что так ныне выглядит его сон. Как ни старайся, как ни противься, а выход будет всегда один – рано или поздно придётся примириться, заставить себя выхлебать всё это варево до дна, стать со своими проблемами единым целым.

Он швыряет смирение туда же и спешно разворачивается в поисках спасательного круга, который вынесет его обратно в явь. Но массы плавящихся стен обрушиваются, не давая ухватиться. Он захлёбывается в своём собственном сне и опускается всё глубже. Вот уже до боли знакомые вопли со слезами, ветхая кровать, такая уютная в совсем не уютном месте, и вечная погоня. Всё то самое, что ненавистно пенится в его голове. Он слышит отзвук всего этого позади, и руки с новой силой впиваются в мягкий воск стенок. Всё существо его стремится прочь, безудержно стараясь зацепиться.

Горло наполняется истошным криком, но тот не покидает рта. Скапливается и лишь эхом отражается внутри. Он брыкается, беснуется, бесцельно мельтешит руками, неспособный на что-либо большее. Противится, казалось, всем собственным существом.

Обжигающая слякоть касается ступни, и он пытается от-

дёрнуть ногу вследствие болезненного спазма, но не выходит – он более не правит телом. Вареву поглощает его плоть, подбираясь выше. Пекущая слякоть агонией покрывает его икру, потом бедро, вверх по спине, и даже голова уже почти полностью покрыта ею. Глазами он рыщет в вышине, надеясь на тот самый круг. Умоляет судьбу о спасении и изливается горькими слезами от горючей, выжигающей каждую излучину тела гадости. Себе же назло он получает ответ своим мольбам из темноты над головой.

В комнате раздаётся скрип. Еда слышный, незаметный даже для бодрствующего человека. Мимолётный отзвук, не значащий ничего. Но именно его он так желал. В туманной, полной ненависти голове этот мелкий скрип разносится оглушающей тревогой. И как только он касается его ушей, улыбка разрезает частично выглядывающее из варева лицо. Безумная и даже в чём-то лукавая, хотя и не найдёшь для такой эмоции мотива.

Как и не скованные вовсе варевом, из слякоти легко выбрасываются руки. Они хватаются за незримый звук, как за верёвку. Пальцы смыкаются замком так крепко, что не разжать и ломом. Тело подтягивается вверх, оставленное гремучей кашей, и прилегает плотно к своей столь желанной подмоге. Он вскидывает голову куда-то вверх, и с невозможной силой спасательный трос взывает вверх вместе со спасённым.

Мир восстанавливает свой нормальный образ. Расплав-

ленные массы скоро вливаются обратно, затвердевая в своей прежней форме и возвращая привычную картину окружения. Он наблюдает за этим прекрасным действием, не опуская вниз головы, не оборачиваясь на то, что его чуть не поглотило.

С гулким стуком он влетает в собственное тело, и, чуть ранее онемевшее дрёмой, тело вздрагивает на кровати. Перед заспанными глазами проносится искреннее счастье. Лицо отражает ту самую лукавую улыбку. Он радуется, что выбрался, избежал встречи со своим «внутренним». Но проходит лишь мгновение, и столь раскидистое счастье падает замертво, поражённое осознанием. Он понимает, что снова не уснул. Снова проходил вокруг да около, но не уснул, хотя искренне пытался. Из всех, даже самых потаённых, уголков сознания пропадает и малейшее упоминание о вареве. Он не помнит, чего так сторонился, и проникается ненавистью к своей беспомощности, даже в отношении просто сна. Всё это быстро переходит в следующую мучительную попытку.

Вот так проходит его сон. Раз за разом погружение в полойку и скорый путь обратно. Каждый раз его спасает что-то иное. То лёгкий отзвук сквозняка, несущегося сквозь щель в оконной раме, то стук ветки об окно где-то внизу. Все эти спасательные круги лишь звуки обыденного мира, но ему их с головой достаточно, чтобы вырваться из проклятого сна обратно, в проклятую явь. И каждый из этих циклов убивает время. Однажды лишь минуту, а однажды, может

быть, и час. Время истекает, а усталость также царапает ржавым гвоздём извилины, всё ближе подводя момент истерики. Повторяющаяся чередая, с каждым новым оборотом сильнее раскаляющая нервы.

Его снова выбрасывает на поверхность, но в этот раз он более не способен засыпать. Истёк его сонный счёт. Когда с концами откатывает сон, накатывают воспоминанья. Их клейкая масса заполняет долгие периоды между погружениями. Другими словами, те же сны, но наяву. И этого он тоже не желает.

Получается, что ни туда и ни сюда. И сон отравлен памятью, и явь. Куда же в таком случае податься?

«Остаться на грани», – нерешительным шёпотом пронеслось в его голове.

Глупая, бессмысленная и невозможная затея. Как ни старайся, вечно не получится. Несмотря на то, что он это понимает и в угоду здравомыслию сам хочет с разбегу окунуться, подсознание его всегда велит всплывать.

Но поздно делать выбор. Прилив памяти прикрыл собою разум.

Дряхлая, надломанная в середине, с проступающими сквозь старый матрас пружинами, но сама по себе прелестная кровать. Она была безумно неудобной, но потому казалась по-особенному надёжной. Его личной. Такой уникально собственной, что не было в мире второго, кто смог её на-

звать своей. Она дарила ему укрытие от погони. Закрывала за своим израненным телом, как родная мать. В обители зла и бесчестности она была единственным оплотом теплоты. Переживая очередной день, он зарывался в пыльное одеяло и спешно засыпал, оставляя весь мир за непреодолимой стеной. И сон тогда даровал ему не варево, но бесконечный путь фантазии, пройдя по которому не хотелось просыпаться. Сейчас всё изменилось, теперь укрытий не осталось. Ведь он взрослый. Сны взрослых отравлены. Погружаясь в них, взрослые люди видят фантазию, созданную их памятью и страхами. И такова участь каждого, ведь все вырастают, все окунаются в проблемы. Но меж тем он хорошо помнит, как прелестно было ложиться спать в ожидании нового приключения, ограниченного только рамками его собственного желания и воображения. Когда желания замещают заботы, а воображение – память, тогда ты становишься взрослым.

Недвижимое положение привело к очевидной развязке. Затекло тело. Бок полнится мурашками, и не теми, что оставляют гусиную кожу, а теми, что щипают, как гусиный клюв. Нестерпимый фейерверк, отводящий далеко назад попытки спать. Нужно повернуться, но если повернётся – взбодрится. Он переживал это не раз. Обычный мелкий дискомфорт, устранив который лишаешь себя сна ещё на долгие мгновения. Значит, либо комфорт и ещё несколько часов бессмысленной болтовни в голове, либо дискомфорт и него-

дование. Два зла, из которых не выберешь меньшее.

«Нужно повернуться, укутаться в одеяло и просто уснуть», – прозвучал опрометчивый голос из неизвестных уголков разума.

«Вот так, значит, просто? – сдавливая в себе гневливую иронию, подумал он. – Иди ты НА ХРЕН!»

Крик отразился в нервах. Спазм вальяжно пробежался по всей длине тела, заглядывая в ответвления на пути, и остановился в большом пальце правой ноги, заставив его слабо дёрнуться. Лёгкая дрёма вмиг слетела с него, как шёлковый платок. Все самые мельчайшие надежды на сон сошли, как их и не было.

– Твою мать! – выругался он в полный голос в звенящую тишину. Рванул с кровати, да так сильно, что задел ногой провод от часов, те слетели с грохотом на пол. Мир вокруг ревёт пронзительным криком. Он вопит то едва слышно, приглушённо, то во весь голос, отправляя звенящие ступки куда-то на улицу, где они расходятся волнистым эхом. Нервы ведут его вокруг комнаты. Он вздёргивает руками, сжимая пальцы в кулаки и снова разжимая. Будто бы срывая что-то в воздухе и бросая на пол. Глаза вертятся вокруг, едва прикрытые веками. Он не может больше так. Не хочет думать об этом. Его тошнит. Он хочет вопить.

Останавливается. Голова покрывается рябью. Где-то среди этих шумных облаков возникает решение, к которому он прибегает чаще, чем хотел бы.

«Шкаф», – с облегчением звучит в мыслях.

Марионеткой разворачивается в воздухе. Едва касаясь пола, летит вдоль комнаты к громадному деревянному «медведю», скалящему ручки из темноты. Двери распахнулись, перед ним едва заметный лунный глянец мелкими бликами отражается в стекле. Он хватается первое, на что натываются его пальцы. Крышка слетает на пол, вырванная зубами. И вот уже невидимая жидкость льётся в пропасть. Секунда, две – и дно бутылки оголяется перед его глазами. Он не понимает. Не чувствует ни запаха, ни вкуса. Лишь горечь на языке. Загнанный ум выносит тревожное предположение.

«Уксус!»

Он отплёвывается, взаправду поверив, что достал из шкафа бутылку с уксусом. В голове не возникает даже тени здоровой мысли. Он не понимает, что кладовому шкафу с кухни нечего делать в спальне. В гортань была опустошена бутылка рома, но тот не отозвался привычным следом на языке. Руки тянутся к лицу, ногтями врезаясь в кожу.

Алкоголь ударил в голову. Он стал трястись в жуткой лихорадке. Хочется кричать, но обожжённое горло не пропускает звук, лишь воздух и чудовищный, сдавленный скрип. Его трясёт, шатает, кидает в стороны и о стены. Он крутится вокруг себя, казалось, не видя пола, не видя ориентира в безумно хаотичном круговороте. Лицо скалится в пустоту, и всё тело накрывает спазмом.

Секунда, и он замер. Голова слетела вниз, на грудь. Глаза

прекратили хаотичный ход и застыли, всматриваясь в бесконечную темноту сомкнутых век. Силы кончились, а вместе с ними и истерика. Немой памятник завис посреди комнаты. Недвижимо, подобно каменной глыбе. Он впустил в себя частичку воздуха и медленно повернулся. Шагнул вперёд к кровати, ещё раз. Подошёл вплотную, взял двумя ногтями одеяло и, волоча его вслед за собой, направился прочь из спальни. Мимо детской к лестнице. Медленно, едва касаясь ступеней, вниз. Вдоль коридора ко входной двери. На крыльцо.

Он закрывает дверь и проходит к своей кушетке, ни разу не взглянув на обжигающий небеса рассвет. Его внимание отвергает романтическую красоту впереди. Укутавшись в одеяло, он смиренно прижимается к спинке лежака. Лёгкий морской ветерок колышет чёлку. Глаза медленно смыкаются, покоряясь непреодолимой силе бессонницы. Он полностью сдаётся, принимает истину, что сегодня ему не уснуть. Отдавшись на волю любому положению вещей, он расслабляется. Больше нет страха перед памятью, ведь от неё не убежать. Больше нет желания зацепиться за что-то на поверхности, ведь незачем цепляться. Больше нет рвущей голову изнутри мысли о вареве. Он распустил путы, он отдался течению, он уснул.

Глава 3. Сломанная вывеска

Здесь витал смрад. Рыбный смрад, что лезет в нос и остаётся ненавистным следом. Всё помещение помечено этой отвратительной, но привычной для Томаса гадостью. Вонь – часть его работы, и сам того не ведает, но совершенно точно догадывается: каждый сантиметр его тела пропитан этой режущей нос дрянью.

Несмотря на кажущуюся чистоту, атмосфера этого магазина невольно окунает в ненависть. И правда, неважно, как прелестно выглядит интерьер, если он пропитан помоями. Даже учитывая это допущение, проблем с посетителями тут не было, и совершенно точно в ближайшее время не могло быть. На весь злосчастный городок, а может и полуостров, это единственный рыбный магазин. Конечно, есть ещё ларьки да лавки, но это единственное «продвинутое» место, где можно купить рыбы. Под «продвинутым» подразумевается наличие холодильников. На фоне перебоев с электроснабжением длительностью в целые месяцы это заведение со своим генератором кажется оплотом богатства. Сами же холодильники довоенные, а значит, с трудом балансируют на грани поломки.

Девушка, хозяйка магазина, возится с крышкой четвёртого морозильника, три других уже были задействованы, о чём говорят пустые контейнеры у ног Томаса. Сам Томас сто-

ит вполоборота к выходу с последним контейнером в руках и смотрит на вывеску соседствующего с заведением ларька.

Вполне обыденный, но концентрирующий на себе внимание. Старый и обветшалый, как его хозяйка, этот ларёк, судя по многочисленным ссадинам, доживает свой век. Вывеска с некогда синей, теперь же напоминающей ржаво голубую выцветшей краской громогласно гласила: «Свежие фрукты!» Одна из досок съехала, и теперь посреди этой печальной громогласности зияла щель, вид которой угнетал сильнее, чем вид этих самых свежих фруктов. Пожилая старушка с двумя ярко блестящими на неизвестно откуда взявшемся солнце (небо тут всегда пасмурное) спицами миролюбиво вяжет некое подобие носка или, быть может, шарфа.

– Грёбаная развалюха! – разливаясь усталой ненавистью, воскликнула девушка из-за стойки, явно имея в виду холодильник.

Не принимая во внимание возможность поставить контейнер на пол и помочь девушке, на что намекала сама девушка, Томас каменным взглядом упирается в громадную щель посреди вывески. Не сводит взгляда, будто хочет, чтобы та что-нибудь ему сказала своим полным занозами и короткой от краски ртом. Вот сейчас чуть дёрнется, чтобы потряхнуть многолетнюю пыль, и прелестным сопрано пропоёт симфонию специально для Томаса.

– Ох... – едва слышно увенчал свои мысли бредом Томас.
– Простите, что? – показательно спросила девушка.

Томас чуть повернулся и с прикрытыми глазами отрицательно покачал головой. Всего мгновение, но его хватило, чтобы, обратно повернувшись, вздрогнуть от неожиданности. На вывеске сидела кошка. Бездвижная, замершая, подобно статуэтке. Казалось, моргнул – и вот она. Такое незначительное, но меж тем будоражащее событие. Внимание приковалось к существу, а вернее, к его пасти. Зажатое в челюсти кошки «что-то» прерывисто блестело. Так часто, точно светом пытались подать какой-то знак. Прищурившись, Томас углядел. Блестела чешуя на откушенной рыбьей голове. Существо с чёрной как смоль шерстью сидело, повернувшись в сторону рыбьего магазина. Кошка явно дожидалась внимания Томаса, потому что, после того как он, прищурившись, наклонился чуть вперёд, она показательно поднялась на все четыре лапы и, пройдясь вдоль вывески, разжала челюсть, выпустив рыбью голову. Та, пролетев вниз, упала в одну из корзин с фруктами.

Томас не отрываясь наблюдал за этим странным зрелищем. И вроде бы ничего прямо из ряда вон выходящего, но так нарочито показательно, будто действие на сцене, и теперь Томас ждал развязки. Он всматривался в тёмное существо, ожидая следующего действия, но кошка была непоколебима. Она смотрела своими, без сомнения, пылающими зелёным огнём, в этом Томас был уверен, глазами на человека с контейнером, ожидая ответа на такое некогда желанное им сопрано.

Громкий хруст льда, Томас подпрыгивает на месте.

– Наконец-то! – радуясь выкрикивает девушка из-за стойки.

Томас поворачивает голову, но на полпути осекается и резко возвращает взгляд к вывеске, боясь, что тёмный призрак исчезнет так же, как и появился. Но кошка всё ещё на месте. Она отводит голову, спрыгивает с вывески и спешит скрыться из поля видимости Томаса.

– Томас, вы тут? – задорно спросила девушка, приметив рассеянность Томаса.

– Да... Да, конечно.

Он открыл контейнер и высыпал всю рыбу в морозильник, совершенно отрешённый и задумчивый. Знакомый до боли смрад новой волной обдал помещение.

– По-хорошему, надо было бы проверить вес... ну да ладно. Буду уповать на вашу честность, – с игривой улыбкой произнесла девушка.

Отринув игривость каменным лицом и не желая задумываться над сказанным, Томас лишь произнёс у себя в голове: «Надо было думать, когда я открыл первый контейнер».

Продавщица достала своё пестрящее золотистыми завитками на багровой коже портмоне и принялась высчитывать ежемесячную зарплату для Томаса, стараясь не обращать внимание на его странное поведение. Тот всё время оглядывался и приподнимался на носки, стараясь углядеть, куда направилось животное. Со стороны эти странные телодвиже-

ния напоминали беспокойного наркомана.

– Вот, тут как обычно, – сказала хозяйка магазина, передавая деньги Томасу.

Томас принял несколько бежевых бумажек, благодарно кивнул, сложив один в другой, взял контейнеры и направился к выходу, не произнеся более ни слова. Томас покинул магазин, в очередной раз не вспомнив о том, что продавщица была когда-то с ним в одном приюте.

Он пошёл вдоль улицы к своей машине, то и дело поворачиваясь во все стороны в безуспешном желании углядеть чёрную кошку.

«Может, стоит предупредить старушку о рыбе?» – он повернул голову в сторону ларька и увидел, как старушка вынимает рыбью голову из корзины и бросает куда-то прочь.

Он сел за руль машины, завёл её и, уезжая, последний раз взглянул на вывеску. Чёрной кошки там не было, но щель всё так же на месте.

Вернулся домой Томас к четырём. Объехав свой до боли привычный маршрут, он закупил продуктов и топлива ещё на месяц. На это ушли все деньги. Томас разложил купленное по своим местам и уселся на кушетку на крыльце. Разбор продуктов прошёл на чистом автомате, так что Томас и не заметил, как убил на это ещё два часа своей жизни.

Несмотря на крайнее нежелание, Томас хорошо помнил, что сегодня за день. По счастливому или не очень совпаде-

нию день покупок совпал с его ежегодной обязанностью. Он старательно отводил мысль о походе на утёс от своего внимания, но все затеваемые у него в голове цепочки приводили его обратно, к идее того, что якобы правильно. Хоть ритуал этот и ненавистен, он всё равно имеет свой вес в судьбе Томаса, а потому и правит его желанием, пускай и всего раз в году.

«Есть ещё два часа».

И вправду, до восьми Томас и не двинется с кушетки, но даже эта простая идея не даёт ему свободы мыслей. Он всё равно будет зациклен на утёсе до тех самых пор, пока не свершит своё обязательство. Всему причиной смятение, которое он ошибочно принимает за наказание совестью. И ведь решить проблему по той же причине невозможно. Как бы он ни углублялся в причины своих смятений, лжесовесть снова вытащит наверх.

Он будет мусолить эти мысли ещё два часа, пока не смирится. Сегодня «тот день», и ничто его не отменит. Так повелось и так будет продолжаться. Этой простой мыслью он всегда прикрывается, чем, к слову, пополняет поприще ночного варева. Но долго мучиться уж не придётся, и эти два часа слетели до безобразия скоро. Вот уже подходит злосчастная минута и в голове возникает привычная цепочка действий. Каждый пункт ритуала. Это событие, несмотря на его скоротечность, каждый год врезается в разум Томаса, словно каждодневное.

Вот уже инструменты сложены в пакет, раствор готов, а ветки белой сирени срезаны. Он стоит посреди своего двора, строго всматриваясь в сторону утёса. Периферия глаз ловит старый башмак под настилом крыльца, а кожа – лёгкий морской бриз. Томас успокаивается, проникает в обыденность вещей. Осознаёт, что проделывал всё это уже не раз, а потому, наверно, не так страшно. Он снова в уме перечитывает список, надеясь, что что-нибудь забыл. Но нет, осталось лишь одно – глубоко вздохнуть. Томас делает глубокую затяжку кислородом, заполняя каждый уголок в своих лёгких. Секунда, головокружение – и вот он срывается с места. Нелепой, но быстрой походкой Томас разрезает берег следами своих ног.

Уже спустя полчаса пути в таком темпе из-за деревьев стал виднеться утёс. Приметив его, Томас сдвинул глубоко в себе странный отзвук, немного опешив, но, взяв себя в руки, прибавил скорости и без того быстрой походке. Он непреклонно следует к своему обязательству, давясь неприятными мыслями. Не так неприятен сам ритуал, как ожидание его. Дорогу к утёсу Томас ненавидел более всего именно оттого, что она давала время для раздумий, а потому казалась нескончаемой, как быстро ни иди.

Ноги сменяют одна другую, песок позади взлетает в воздух. Намеченная цель всё ближе, и голова всё болезненнее реагирует на уничижительные позывы совести. Томас встряхивается, надеясь выкинуть эту чепуху из своих мыслей,

и устремляется глазами вперёд. Безудержный ход останавливается. Ступни врастают в землю.

Впереди человек. Весь в тёмных одеждах и с на удивление бледной кожей. Расслабленный и отрешённый, он сидит на песке, опираясь на выставленные назад руки. Его ноги едва касаются приливающих волн. Голова чуть завалена назад, глаза прикрыты веками. Лицо встречало солнце сияющей улыбкой, а размеренное дыхание впитывало в себя свежий морской бриз.

Он казался ошибкой. Не тем, кто должен просто «быть». Вся природа вокруг отрекалась от него, так контрастно он выглядел. От этого странного человека было не по себе, но это же самое, в общем-то негативное, чувство давало колоссально плодородную почву для интереса. Судя по всему, Томас остался незамеченным, что предоставило ему возможность перегнуть через голову бесконечное множество вариантов о том, кто этот человек и что тут делает, ни одного, правда, не задержав на лишнюю миллисекунду за отсутствием правдоподобности.

Само собой, нахождение тут людей было вполне возможным, вот только достаточно редким, что вполне является основанием окунуться в подозрение и здоровый трепет. Люди сселились с полуострова ещё лет семь назад. В сущности, на ближайшие двести километров Томас один-единёшенек. Вот он, человек, который за такой долгий срок имел общение с себе подобными только посредством ежемесячного выезда

в город за сбором продуктов, встречает незнакомца в странных тёмных одеждах, развалившегося в получасе от его дома. Ситуация будоражит и увлекает.

Через голову Томаса проходили самые разные идеи. От бездомного, ищущего пристанища, до бандита, узнавшего об одиноком отщепенце, отрезанном от общества. Всё это тут же душилось миллионом доводов против, что делало всё невыносимее, в плане желания узнать, главный вопрос: «Кто таков этот незваный тип?» Интересно то, что возможность выбрать самый простой для решения этой дилеммы вариант, а именно просто подойти и спросить, Томас даже не рассматривал, или, вернее, попирал в сторону.

Все эти рассуждения внутри настолько затянулись, что мужчина успел обратить внимание на Томаса, и тот, чтобы не показаться странным, решил в то же мгновение продолжить свой путь с выражением лица, говорящим: «Ну, сидишь, да и ладно».

Заметно более медленным, чем раньше, шагом он направился в сторону мужчины, аккуратно стараясь ничем не выделиться. В мгновение, когда Томас проходил за спиной незнакомца, последний остановил его внезапно брошенной фразой.

– Не хотите присоединиться? – сказал мужчина, не оборачиваясь. Томас слегка замешкался. Ощутимо растягивая паузу, он всё-таки смог выдать из себя:

– Нет, простите. У меня... В общем, я занят. – И тут же

направился дальше, гонимый нерешительностью, но полыхающий азартом от неожиданной встречи.

Обратно ускоряя темп ходьбы, Томас всё же сумел слышать едва слышное.

– Очень жаль, – вылетело изо рта незнакомца.

И тут голова взорвалась вопросами с новой силой. Как? Почему? Зачем ему это нужно? Они роились у Томаса в сознании, отбиваясь от стенок и друг от друга. Он пытался разобраться, внести в это хаотичное болото, где всё спуталось, долю осознанности, но не всё так просто. Единственное, чего Томас смог добиться, это забвения, дарованного ему на остаток пути. Дорога полностью выпала из внимания, и опомнился Томас уже у подножия утёса. Здесь ситуация с незнакомцем отступила перед незыблемыми обязанностями.

Не особо быстро, но уверенно он забрался на утёс, где его встретил постамент. Цель его пути. Томас чуть отряхнулся от пыли, поправил одежду и выпрямился. В качестве дани уважения он некоторое время постоял не шевелясь, сохраняя минуту молчания. Томас хорошо понимал, что чрезмерность в данном вопросе не нужна, но совесть, на которую он возлагал практически поведенческие обязанности, била его по рукам со словами: «И этого тоже мало!»

Томас медленно распаковал пакет с инструментами и открыл банку с чистящим средством. Отточенными движениями он убирал мусор и грязь, оставленную «крылатыми кры-

сами». Ножницами он обстриг разросшуюся траву, лопаткой вычистил землю из подножья монумента. И снова, как и год назад, как год за ним и там за ним, он в порыве ложных чувств клянётся себе, что станет приходить чаще. И снова здравый смысл почти шепчет, что этого не будет, но совесть, единожды за год получив власть, продолжает кричать о своём. О некоем призрачном долге, о несуществующей вине перед родным, о том, что якобы важно, о том, что якобы правильно.

Мгновения в известной мере тягостной работы спешно минуют. Томас доводит монумент до идеального состояния и отходит, чтобы увидеть сотворённое им. Он рад, что управился так скоро. Кладёт цветы на их законное место и садится рядом с монументом. Томас вслушивается в каждое дуновение. В трепетание крыльев мухи, так назойливо лезущей в зону слышимости, в нещадно обрушивающийся на несклонные каменные глыбы внизу прибой. Он выжидает разрешения уйти и получает его спустя час.

Томас встаёт, слегка попятившись. За столь долгий срок в недвижимом положении его ноги чуть дрогнули, возвращая кровь в залежалые места. Томас осторожно разворачивается, стараясь не выказать неуважения, и уходит. Он спускается вниз по склону и, размеренной походкой отойдя на достаточное расстояние, останавливается. Из груди вылетает сильнейший напор воздуха. Это тот вздох, что он втянул в себя у дома. Тот самый воздух, что поддерживал его весь

этот путь и отпустил, когда обещанное свершилось.

Вернувшись на берег, Томас на год отбросил все мысли о своей обязанности. Ныне совесть имела не больше голоса, чем остальные движущие чувства. Он обратился к более насущным, но менее отягощающим вопросам. Полчища новых вариантов кричали о себе в его голове, и он терялся в них. За этой катавасией увлечённости настолько интригующим событием в жизни, ранее напоминавшей переваренный рис, Томас полностью отсеивал бессознательные мысли о том, что в этот раз встречу можно обойти. Это пьянящее чувство возможной, хоть и в некотором роде беспочвенной опасности поддевало его азарт. Он не знал, что скажет, когда снова подойдёт к незнакомцу, но в мельчайших деталях обдумывал его возможные слова. Столь вычурно и оригинально, что невольно задумался о своей скучной жизни. Само собой, опрокинув это ответвление рассуждений, он вновь обратился к личности незнакомца.

Варианты хоть и пестреют разнообразностью, всё же чаще обращаются в негативное русло. И вполне логично. Томас не верил, что есть кто-то, кто затевает разговоры с незнакомцами просто так. Для него это было дико. Значит, он зачем-то нужен этому тёмному человеку, и, как бы старательно Томас не хотел об этом думать, незнакомец нужен ему, пускай и в качестве единичного явления.

Томас нахмурил брови и направился дальше. Может быть вором, но зачем вот так показываться на глаза? Тогда ма-

ньяк. Это более вероятно. Но что заставило маньяка выбрать Томаса? Возможно, одиночный образ жизни. Томас похлопал себя по щекам обеими руками, притаптывая мысли в голове.

«Твою мать», – руки были свободны от пакета, он забыл его у памятника.

И вот Томас почувствовал, как просыпаются «те» чувства. Их коробящие звуки доносятся откуда-то из глубины. Томас заметил это и вынес вердикт в то же мгновение, пока совесть не до конца выглянула из дальнего ящика.

«К чёрту пакет!» – и забыл об инструментах навсегда.

Он направился дальше, отдаляясь от неуютных мыслей и приближаясь к интересным.

«Что делать, если он бандит?» – и правда. Томас не отличался физической формой, но инстинкт «сначала бей, потом беги» всё же был в нём силён, это он давно уяснил. Так или иначе, разум всё ещё был свободен от идеи обойти незнакомца, что, к слову, решило бы все проблемы разом.

Новая встреча была всё ближе. Себе Томас сказал, что первым он не заговорит. Просто пройдёт мимо и ответит, если его спросят. И вот человек в тёмном уже стал виден. Томас слегка сбавил шаг. Вот он уже подходит ближе, а мужчина и глазом не ведёт. Вот Томас уже рядом, а незнакомцу всё плевать. Вот он уже проходит мимо, и снова ноль реакции. Что-то поникло внутри Томаса. Хоть и опасаясь, он надеялся, что мужчина его остановит, но тот этого не сделал. С по-

никшим видом Томас отходит от незнакомца и вдруг останавливается. В голове витают тучи вопросов и предположений. Из этого огромного множества Томас выбирает самый неожиданный, и в первую очередь для самого себя.

– Почему вы меня не остановили? – спросил Томас, не оборачиваясь.

Мужчина улыбнулся. Он хорошо понял вопрос и даже уловил его причину, но всё равно вопрошающе посмотрел на уже повернувшегося в его сторону Томаса. Наверное, мужчина хотел, чтобы Томас пояснил вопрос, в первую очередь для себя самого.

– Почему вы сначала затеваете разговор, а потом отмалчиваетесь?

Мужчина повернулся в сторону и снова улыбнулся сам себе. Его увлекало живописное небо впереди. Он упивался его прекрасными цветами, и это, судя по расслабленному лицу, придавало ему лёгкость. Незнакомец, после того как минуло несколько минут, кротко поправив головой, и на выдохе начал:

– Бывал в Апабе? – небольшая пауза, оставленная мужчиной для Томаса. Тот изобразил сконфуженную мину, и незнакомец продолжил: – Видимо, война неслабо их потрепала. Серьёзно так вдарила по головам. Они огородились деревянным частоколом вокруг всего города, а над воротами повесили табличку с надписью: «Вечное Апабское королевство», – мужчина откашлялся, украдкой посмотрел на чуть

приблизившегося Томаса и продолжил: – У них там повозки с лошадьми, кузни, базары. Полиция ходит в латах и стражей зовётся, мэр, само собой, король, а люди носят рубахи да всякие пообтрёпанные одежды. – Незнакомец остановился, немного подумал, после чего вынес самый короткий и яркий вердикт из всех возможных: – Идиоты.

Томас удивлённо посмотрел на мужчину.

– В Апабе живут идиоты, но мёд варят восхитительный. – Незнакомец поднял склянку с золотистой жидкостью, чуть усмехнулся и жестом предложил Томасу присесть рядом.

Томас немного замешкал, но, когда увидел, с каким лицом мужчина отпивает из склянки, тут же сел. Незнакомец передал флягу Томасу, и тот сделал несколько глотков. Ничего вкуснее он раньше не пил. Такой бархатный и сладкий. Лёгким махровым одеялом этот славный напиток ложился на язык, вызывая в голове фейерверки сладострастных эмоций. Не просто алкоголь, а пьянящий шедевр среди напитков. Томас всей своей расцветшей от наслаждения душой осадил насторожённость внутри себя.

– Прелестный вечер, – проговорил приглушённым тоном мужчина наслаждающемуся мёдом Томасу. – Обычно в здешних местах всегда пасмурно, но сейчас...

«Обычно?» – удивлённо прозвучало в уме Томаса, с таким нежеланием отрывающего от губ склянку с солнечным нектаром.

Томас повернул голову к закату. Вот уже весь день цари-

ла чистойшая погода, но лишь сейчас и лишь с комментария незнакомца он удосужился посмотреть на небо. Облачные горы, обожжённые красным закатом, шли вдоль всего горизонта. Сплошная стена огня. Томас вспоминает, что недавно видел подобную картину на рассвете, но не придал ей тогда и малейшего значения.

– Кровавый, – говорит незнакомец спокойным тоном.

– Нет, скорее огненный, – поправляет его Томас.

Мужчина глубоко вздохнул и на выдохе подобрал склянку с мёдом. Пара глотков – и на щеках его слегка выступил румянец. Глядя на него, Томас не сомневался: его щёки сейчас полыхают не хуже. Незнакомец отвёл бутылку от губ, оставив на щетине несколько золотистых капель, блестящих, словно частички того самого божественного заката, упавших прямо на усы.

– Я двадцать лет назад отсюда начал путь, – достаточно резко и понуро начал мужчина.

Томас удивлённо посмотрел на незнакомца.

– Все земли вблизи от полуострова обходил, пристанища искал и вот в итоге вернулся. Можешь представить? Двадцать лет. Тебе с виду столько же.

– Вы недалеко отсюда жили? – спросил Томас, пытаясь поддержать разговор.

– Можно, наверное, и так сказать, – неопределённо ответил незнакомец и опустил на глаза брови. – Я, пока сюда шёл, видел несколько пустых домов, – вопросительным то-

ном проговорил мужчина.

– Семь лет прошло с того, как последние соседи уехали. – Томас обвёл глазами берег. – Тут трудно жить стало, вот все и посъезжали.

В воздухе повисла тягостная атмосфера. Томас не любил как-либо затрагивать эту тему. Она всегда сводилась к мыслям, что вызывали жжение в лобной доле, и потому старательно обходилась им стороной.

– А ты, видимо, остался. Чего так? – прильнув к больному месту Томаса, спросил незнакомец.

По лицу Томаса проскочила гримаса претерпленной неудачи. Он до конца надеялся, что мужчина не зацепится за эту тему, и потому не знал, что ответить. В итоге он просто перевёл неуверенный взгляд на незнакомца, бессмысленно пожимая плечами. Мужчина понимающе кивнул.

– Кажется, я тебя понимаю. Трудно бросить родное место. – Незнакомец поджал губы, вздохнул и, готовый к долгой тираде, продолжил: – Как бы ни было в нём тяжело, дом, он остаётся домом. Всё, что за ним, – неизвестность. И хоть понимаешь, что там оно, возможно, лучше будет, всегда что-то мешает сделать первый шаг. Так ведь? – Незнакомец немного неуверенно посмотрел на Томаса. Тот поёжился от уже сказанного и вывел у себя на лице настороженную мину. Мужчина увидел, что его слова нашли отклик у собеседника и продолжил: – Когда времени не хватает, когда – средств, когда – ещё чего-то. Как ни ищи сторонних поводов,

в основе несвершённого всегда страх. Голову всегда осаждают глупые, хотя и справедливые мысли. А что, если там хуже? А что, если не справлюсь? А что, если то? А что, если сё? Оглянуться не успеешь, как ты уже отказался от затеи и, всячески стараясь, делаешь вид, что всё в порядке. – Незнакомец опустил глаза и зарыл руку в мелкий песок. Он стал водить ей, отчего горка сверху поминутно взмывала вверх и тут же обрушивалась. – Все ошибки последствиями отзовутся на тебе, и никто уж не поддержит и не поможет, ведь решение принимал ты.

Томас славил себя на мысли, что не сводит глаз с незнакомца. Со слегка открытым ртом и крепко-накрепко, да так, что, кажется, сейчас треснет надбровная дуга, сведёнными бровями он ловил каждое слово, и оно отзывалось ненавистным осадком в глубине. Было ясно, что незнакомец говорит о себе, о своих когда-то пережитых проблемах, но так двояко, будто осознанно описывал переживанья Томаса.

– С каждым неудачным разом, с каждой неиспользованной возможностью ты проникаешься всё большей ненавистью к обыденности. И вот твоя собственная жизнь уже не просто в тягость, она стала ненавистной. Ты всё время думаешь об этом, повторяя в голове, что могло быть лучше, если бы только сделал шаг, наскрёб с остатков воли немного смелости – и вперёд. Но этого не происходит, и жизнь становится всё больше похожа на фруктовый кефир. Весь интерес куда-то исчез. А когда-то ты мечтал о чём-то высоком,

к чему-то стремился, но сейчас душишь сам себя за то, что слишком слаб. А хуже всего, что это не прекратится. Будет продолжаться вечно, пока не решишься. Примерно так? Такая отравка плещется у тебя в голове?

Мужчина закончил говорить, повесив в воздухе свой вопрос, и посмотрел на Томаса с таким лицом, точно претерпел всю озвученную ненавистную тяжесть на себе. Его взгляд был схож с тем, что видит Томас каждое утро в зеркале, за одним важным исключением. Искра, с которой он смотрит на всё вокруг, говорит, что своё безволие незнакомец преодолел.

Томас не ответил на повешенный вопрос. Он только повернул голову и посмотрел на мужчину с опущенными в жалобе бровями. Вся эта красноречивая реакция своей немой яростью вырисовала в воздухе другой вопрос, повесив его рядом с вопросом незнакомца.

«Почему?» – беззвучно кричало лицо Томаса.

На мгновение, столь незначительное, что кажется обманом зрения, по лицу мужчины пробежала грусть. Она зацепилась за край взгляда Томаса, но не отозвалась вниманием в его голове.

– Я что-то дал себе чересчур много воли. Разговорился немного. – Мужчина откашлялся, обтряхнул от песка ладони и вытянул руку вперёд. – Артур, – проговорил незнакомец, желающий перестать быть таковым.

Холод пробежался по спине Томаса. И не страх ему был

природой, а скорее ненависть. Он не хотел жать руку Артуру. Томасу стало так по-детски обидно, что он не мог сдержать это в себе. Вся эта во многом напускная злость отразилась в паузе, которую он выдержал перед тем, как с гневливым видом пожать руку Артура.

– Томас.

Артур встал на ноги и поднял за собой Томаса.

– В Апабе живут идиоты, Томас, но мёд они варят замечательный. – Артур достал из сумки полную фляжку с мёдом и вручил её Томасу. – До встречи, – через плечо сказал он, и, уходя в чащу, добавил: – Флягу не потеряй.

Артур – человек, появившийся из пустоты и в неё же ушедший. Незванный критикующий, что вывернул наизнанку упорно скрываемую Томасом, в первую очередь от самого себя, душу. Томас стоял на том же месте, врываясь ботинками в песок, с фляжкой мёда в руке и грузом тяготеющих мыслей за душой. Он повернулся в сторону дома и пошёл, разбитый и выжатый.

Томас вернулся домой к поздним сумеркам. Плавающая полоса заката всё уменьшалась, пока совсем не потухла, провозжая заходящего в дом Томаса. Этот день растоптал его, хорошенько втерев в грязь остатки. Томас пошёл вверх, чтобы покончить с ним, вдавив своё лицо в подушку.

Глава 4. Мигающий свет

Прошёл день, быть может, два. Он изредка вставал с кровати. Пытался выйти в море, но осекался на пороге дома, разворачивался и брёл назад. Томас видел, как луна сменяет солнце, как зажигаются и гаснут звёзды и как безучастно летит время. Он пропустил частицу своей жизни, погружённый в лишающую воли меланхолию и с занятым рассуждениями о случившемся мозгом. Почему столь мимолётный человек оставил столько груза? Артур – просто незнакомец, пустой, не значащий человек, но прослыл незванным критиком.

Томас старается не думать – не хочет обращаться к этой зловонной куче, которая пополнит армию из варева. Он бы лежал так до конца, лежал бы и смотрел в открытое окно, но тело словно расплывшаяся каша. Каждый его сантиметр затёк в недвижимом положении, и вот кровать уж не в блаженство. Томас сползает, с громким стуком роняя колени на пол. Словно ведомый на ниточках, он поднимается на дрожащие ноги и медленно идёт к знакомому до боли шкафу. Берёт бутылку, летит вниз. Кушетка, одеяло. Он наливает себе стакан, что завсегдадаем стоит тут прямо на перилах.

Солнце уходит за горизонт. Томас провожает его, подняв в воздух руку. Огненная полоса отделяет бесконечную черноту с блестящими искрами от играющей языками пламени

воды. Он смотрит в золотую, исполненную смыслом точку, что ещё едва шипит, ныряя в воду. Томас прощается с ней, искренне желая, чтобы она скорей вернулась. Солнце тухнет, взамен него загораются два ярких глаза. Два зелёных шарика меж перил, непрерывно буравящие взглядом. Томас им платит тем же. Смотрит через слегка прикрытые усталостью веки. Они сидят так несколько минут, впиваясь друг другу в души. Перебить сей странный ритуал первым решается Томас. Двумя медленными хлопками свободной от бокала рукой он указывает существу сесть на кушетку рядом. Существо моргает, протискиваясь меж перил. Проползает по крыльцу к кушетке и медленно залазит вверх.

Томас мог бы удивиться, мог не поверить, всё это время восклицать, но именно в тот день, в тот час и в то мгновение он просто хотел принять, что это та же кошка. И возможно, сейчас неважно, как она сюда попала или правда ли это именно та, а не какая-нибудь другая чёрная кошка. Возможно, Томас хочет принять это как факт и насладиться компанией безмолвной тёмной тени с такими яркими зелёными глазами.

Животное утверждает на месте. Обойдя саму себя несколько раз, кошка ложится лицом к небу. Томас аккуратно касается её, стараясь не испугать, но та недвижима, верно, онемела. Он запускает руки в чёрную словно смоль шерсть и медленно гладит, замирая взглядом на распростёртой по небосводу россыпи горящих искр. Легко и умиротво-

рённо. Опьяняющее лучше любого алкоголя чувство безмятежности и простоты. Его силы хватает, чтобы дать передышку раскалённой в стенаниях по бессмысленной жизни голове.

Они проводят так два часа, за которые пустеет полбутылки. Но умиротворение прерывается. Кошка чуть приподнимается и снова замирает, будто желает что-то разглядеть вдали. Томас замечает её реакцию и ведомый головокружением в сторону старается сфокусироваться на направлении взгляда животного, попеременно смотря то на её голову, то на чернеющие дали. Только хорошенько поморгав, он сумел убрать искажающую взор плёнку с глаз и углядеть далеко в море мигающий красный огонёк. Томас хочет податься чуть вперёд, но останавливается цепкими руками лени и мыслью, что это всего лишь судно. Ныне их не так уж много в местных водах, но даже так им нечего дивиться. Томас вращает обратно в кушетку и, пару раз прогладив рукой вдоль чёрной шерсти, пытается успокоить кошку. Но та не реагирует. Застыв в новом положении, продолжает смотреть только вперёд.

– Лодка, – уточнил для животного Томас, но кошка не шелохнулась.

Томас покачал головой с лицом, как бы говорящим: «Ну что с тебя взять?», прикрыл глаза и откинул голову назад, продолжая гладить по удивительно мягкой шерсти.

«Откуда он взялся?» – откатившая волна ненависти вер-

нулась, чтобы обрушить свои мерзкие массы на голову Томаса.

Артур окунул его в помои, сделав и без того пресную жизнь ещё и перебродившей. Теперь Томас не выносит каждое мгновение и от этого уже второй день топит свою голову в безынициативном прозябании и алкоголе. Но даже так не это апофеоз его ненависти. Больше всего он ненавидит самого себя за то, что слова неизвестно откуда взявшегося ублюдка-философа способны заставить его смотреть на себя с отвращением.

Томас в гневном, истеричном спазме резко вздрогнул на кушетке. Кошка и не шелохнулась. Обратив в очередной раз внимание на окоченение животного, Томас с подкрепления выуженного мгновение назад из памяти гнева вскрикнул на существо:

– Ну что?! Это лишь лодка, что ты хочешь? – с этими словами Томас повернул взгляд к морю. Красный мигающий свет носило вверх-вниз, словно надувную игрушку. Огонёк погружался в воду и тут же всплывал наверх. Это было не судно, а какой-то небольшой и достаточно лёгкий объект. Мнение Томаса переменилось, и его истеричный позыв вмиг был осаждён.

– Стало быть, ты хочешь, чтобы я поплыл? – спросил Томас у животного с ироничным видом, но кошка и не шевельнулась. – Бред какой-то, – он откинулся назад и снова закрыл глаза, но со следующей мыслью тут же распахнул их.

«...Если бы только сделал шаг...» – прогремело в голове.

– Проклятый ублюдок, – произнёс Томас, рисуя на себе оскал. – Ну ладно, твою мать!

Томас рывком поднялся с кушетки, стянул с перил свою куртку и, грозно опустив брови, направился к причалу.

Несмотря на достаточно чистую погоду, волны были крупными. Каждый загрёб даётся с жутким, вытягивающим все мышечные излучины в струну трудом. Томас не знает, сколько времени прошло с того момента, как он отплыл от берега, но судя по тому, как немеют мышцы и голова спадает вниз, с час он гребёт точно.

Из-за слипающихся поочерёдно глаз Томас улавливает огонёк. Совсем рядом, в каком-то десятке метров. В подобной обстановке он не может различить очертание источника свечения, но понимает, что он не больше футбольного мяча. Осознавая, что он вот уж совсем рядом, Томас сильнее налегает на вёсла, проклиная себя за идиотский, опрометчивый поступок, но радуясь, что он скоро его переживёт.

И вот загадочный предмет уже слегка колотится о лодку. Мигание окрашивает водную гладь в яркий красный цвет. Томас отпускает вёсла и выгибается наружу. Перед ним в беспокойной воде теплится металлическая сфера. Он облакачивается на край лодки и пытается выудить её руками. Кончики пальцев касаются металла, и лампочка, что излучала этот самый огонёк, вмиг втягивается куда-то

внутри. Немного опешив, Томас теряет равновесие и падает за борт. В момент отрезвев и взбодрившись полчищами жгучей до боли солёной воды в ушах, носу и горле, Томас рыщет вокруг глазами, пытаясь понять: что? где? когда? и почему? В голове возникает дикий страх. Мечущиеся вокруг глаза находят в беспроглядной темноте лодку. Изо всех сил Томас гребёт к ней, чувствуя, как быстро тратятся остатки его сил, и тут получает крепкий удар по голове. Он нагрёб на сферу. Руками нащупав её на поверхности, Томас недолго думая хватается её и со всей силы бросает в лодку. Он предпринимает несколько попыток перелезть через борт, но, рискуя перевернуть его единственный путь спасения, оставляет эту затею. Томас подплывает к лодке и, зацепившись за край, разворачивает её боком к волнам. Единственная, пускай и отдалённо, но вразумительная идея греет его надежду выйти из этой идиотской ситуации живым. Выжидая наиболее огромную волну, Томас терпит у себя на голове оглушительные удары воды. Несколько минут – и из-за чреды небольших возникает высокая волна с пенистым гребнем. Томас напрягает руки, готовясь к рывку вверх. Волна поднимает Томаса, скрывая его внутри себя. И снова уши, и снова нос, и снова горло. Тело крепким ударом приземляет о твёрдое дерево. Томас хватается, за что удаётся, стараясь закрепиться. Волна проходит мимо, оставляя в лодке исчерпывающее количество воды. Нос Томаса снова получает доступ к кислороду. Он лежит на дне лодки, наполовину заполненной морской

водой. В голову всплывает мысль, что надо бы начать грести. Томас пытается подтянуться к вёслам и начать делать хоть что-то, но организм его имеет своё мнение. Он валится при первой же попытке и засыпает.

Дневной свет заглядывает под сомкнутые веки. Томас немного приоткрывает один глаз и тут же крепко смыкает его. Солнце всей своей иссушающей силой обрушивается на распростёртое посреди лодки тело. Отвратительное, наполовину сырое, наполовину высушенное чувство смешивается в голове, принося в два раза больше неудобства. Томас с трудом подчиняет залежавшиеся на твёрдой древесине члены и приподнимается, озираясь. Лодку прибило к берегу.

Лицо искажается глубоким зевком, одним из тех, что в момент наполняют глаза водой. Томас тянется, чтобы придать хоть какой-то тонус онемевшему организму. В поле зрения попадает сфера. Вся обшарпанная и помятая, она всё-таки умудряется, переливаясь, блеснуть на солнце. Стальной шар с двумя ярко выраженными полушариями и обособленными, круглыми, слегка приплюснутыми частями сверху и снизу.

Томас нагнулся и потянулся руками вперёд, чтобы взять свою находку, но тут же их отдёнул. Плотно засев между скамьёй и бортом, эта вещица была лишена воды, а потому нагрелась на палящем солнце до состояния конфорки. Томас снял с себя вымокшую на спине и иссушенную впереди курт-

ку, обернул ей аппарат и поднялся на ноги, чтобы оглядеться. Лодку унесло достаточно далеко, чтобы в нормальных обстоятельствах озаботиться способами дальнейшего её возвращения на место. Но Томас не думал об этом. Он лишь затащил её повыше, чтобы её не унесло обратно в море, определился, в каком направлении находится его дом, и не особо быстро пошёл к нему.

Странно, но после свершённого в голове Томаса не было никаких особых чувств. Вполне разумной была бы любая крайность, будь то ненависть к такому бессмысленному риску для жизни или, напротив, радость от того, что он смог выбраться в общем-то целым, за исключением разве что небольшого синяка слева сзади на голове. Сейчас его вела вполне застоялая однообразность, слегка подправленная интересом к полученному «артефакту».

С полчаса понадобилось, чтобы вернуться к себе. Миновав один из брошенных домов, Томас уже обеспокоился, что пошёл в неправильном направлении, но вид до боли знакомого и вызывающего неоднозначные чувства утёса вернул ему уверенную осознанность на местности, пускай и придал укол неприятных воспоминаний.

Заходя во двор, он издали, через перила, заметил сидящую всё там же, на лежаке, кошку, и, кажется, даже в том же самом положении. По ощущениям, она так за ночь и не шелохнулась. Подойдя ближе, Томас заметил тот самый буравящий взгляд, вот только в этот раз он был направлен на свёр-

ток в руках. Томас, отреагировав с отстранённой иронией, проходя по крыльцу, бросил кошке:

– Теперь довольна?

Томас зашёл в дом, миновав прихожую, попал в гостиную, где у стены стоял его рабочий стол, заваленный разного рода бумагами и документами, которые в свете некоторых событий перестали иметь свою ценность. Поэтому он сгрёб их в ближайшее свободное пространство, развернул сырой свёрток и разместил сферу посреди стола. Томас включил лампу и направил её на аппарат. Подвинув стул, он сел удобнее и принялся выглядывать каждую деталь причудливой вещицы. Чуть обернувшись, чтобы поправить локон волос, он краем глаза задел проскочившую незаметной тенью на комод рядом кошку. Она приняла схожую с Томасом позу, пригнулась вперёд, вытянув свою величественную шею.

Первое, что удалось выяснить, это то, что сфера открывалась. Данный факт становится понятен при взгляде на полосу, разделяющую полушария. Внутри неё виднелись мелкие зубчики, крепко сцепленные меж собой. Лапая всё, что только можно было на этой сфере, Томас в итоге обнаружил зазубрины на верхней, чуть приплюснутой части. На той самой, где ранее была лампа. Махинации с поворотами в хаотичном порядке, ориентируясь на щелчки вполне определённой последовательности. Одна часть по часовой стрелке, две – против, три – по и четыре – против. Дошёл до этой простой последовательности Томас спустя час, даже несмот-

ря на то, что сама сфера не позволяла совершать обороты сверх того количества, что необходимо. Другими словами, сфера эта не была строго ориентирована на пароль.

Томас достиг желаемого. Внутри сферы стал слышен механический скрежет, сменившийся впоследствии ровным жужжанием, как от работы шестерёнок. После мгновений внутренних манипуляций действие перешло на обозримую часть. Зубчики отворились, полусферы чуть раздвинулись. В щель быстро повалил воздух, заполняя внутреннее пространство. Достаточно громкий гудок изнутри – и полусферы отсоединились в стороны. Сфера оголилась перед Томасом. Аппарат таил в себе дракона. Статуэтка бронзового отлива. Она располагалась между двумя приплюснутыми частями, как на подставке.

В голове творилась катавасия. Томас совершенно ничего не понимал, но не давал этой мысли власти, ведь интерес перетягивал на себя одеяло. Он был увлечён находкой, словно ребёнок. Томас нерешительно потянул руки к статуэтке, не обращая внимания на кошку, которая пристально смотрела в одну из полусфер, застыв по своему обычаю. Аккуратно сняв дракона с подставки, он быстро отвёл руки так, будто боялся их лишиться.

От хвоста и до гортани эта вещица имела проём, который, судя по всему, был нужен для извлечения звука. Значит, не статуэтка, а горн. Томас повернул голову к животному. Кошка ответила ему взглядом, хоть и телом всё ещё бы-

ла устремлена к полусфере. Томас медленно кивнул, как бы спрашивая: «Стоит?» Кошка ответила непоколебимостью. Томас подвёл горн к губам, чуть коснулся ими хвоста и, сначала нерешительно, потом во весь опор выпустив воздух из лёгких, родил на свет рычащий рёв, что обошёл весь дом и через раскрытые окна вылетел на улицу.

Рёв увенчался тишиной. В ожидании последствий Томас вслушивался во все мельчайшие отзвуки мира, но пока вокруг царила лишь тишина. Минута, пять, десяток. Ничего. Томас сам не знал, что и ожидать, но всё равно немного разочаровался. Он аккуратно поставил горн обратно на подставку, поднялся на ноги и, ладонями утирая глаза, направился к окну.

– Что же? – с напором воздуха процедил он сквозь руки.

Томас, не отрывая ладони от лица, двумя шагами достиг дивана и, перевалившись через боковину, свалился всей массой своего тела на сиденье. Испугав самого себя грохотом, Томас убрал руки с лица и посмотрел на кошку.

Животное всё в той же позе стояло на комод. Хоть и слегка обвыкшись с этой странной особенностью тёмного существа, Томас холодно и негативно принимал её моменты «заскока». Она казалась не совсем нормальной, но, без сомнений, наученной.

– И что теперь? – обратился он к кошке.

Та не ответила.

– Вот име...

Из открытого окна слышался пронзительный гудок (по крайней мере, это Томас так его определил), который прервал Томаса. Он чуть приподнялся на диване, с выражением недоумения на лице. Почему-то в первую очередь после этого Томас повернул голову к кошке, ожидая её реакции. Та настороженно смотрела через окно на море, но со своего поста не сошла.

Томас поднялся с дивана и быстро подошёл к окну. Он жадно изучал всё, что попадало на глаза, чуть прикрываясь шторой. Взятый под власть манией преследования, он скакал вокруг окна в поисках источника звука, но весь доступный ему обзор на море был чист от чего-либо знаменательного. Убедившись в однозначности своих наблюдений, Томас повернулся к кошке.

Глубокий вздох – и, последний раз пробежав глазами по улице, Томас направился на кухню, вспомнив, что во рту его царил пустыня, вдобавок обожжённая изжогой от вчерашнего спиртного. Он открыл кран, набрал в сложенные руки воды и обрушил её себе на лицо. Осознавшись после дозы свежести, он, не вытирая лица, взял стакан и наполнил его из графина рядом. Повернулся, облокотился на столешницу и приложил прохладное стекло к жадным до влаги губам. Быстро осушая стакан, Томас упёрся взглядом в на днях купленный ящик с овощами. Он стоял у двери в кладовую. Посреди наклейки была дородная дама с раскидистыми чёрными волосами и в ярко-красном платье, окружённая разны-

ми овощами. Надпись у её пояса гласила: «Глориев посев».

«Глория», – призадумался Томас, хватая ртом последние капли со дна стакана.

Томас набрал ещё воды и направился в гостиную, чтобы озвучить свою идею животному.

– Как тебе Глория? – спросил он, проходя к дивану.

Кошка не пошевелилась.

– Вот и мне нравится. Будешь теперь... – Томас осёкся, увидев, что животное не реагирует. – Ну что ты застыла? – Томас хотел было усесться на диван, но вдруг с полусогнутых колен поднялся и направился к комоду.

– Что ты такое увидела, что... – Томас обмяк. Что-то бормоча себе под нос, он рванул к столу. Поставил кружку на самый край, но та соскользнула вниз и одарила водой ковёр. Зацепив это неуклюжее событие лишь краем глаза, Томас вмиг забыл о нём и обратился к полусфере. Он подтянул её к себе и достал листок, что, по всей видимости, выпал в неё в тот момент, когда полушария отсоединились. Понимая, что Глория увидела это с самого начала и всем своим видом старалась продемонстрировать упущенное Томасом, он благодарно посмотрел на неё и кивнул.

Чуть дрожащими руками Томас развернул сложенный вдвое, изрядно постаревший листок и принялся читать.

«37°01'21.0"N 8°59'49.5"W» – Пусть горна глас Сына Мортэмы призовет.

сумку-ранец, сгрёб туда всё, что посчитал нужным, со стола, взял с дивана куртку и направился к двери, но был остановлен самим собой.

«Что я делаю?» – в голове Томаса возникло резко осаждающее чувство. Он понял, что всё происходит слишком быстро, и оттого корил себя за опрометчивость.

Нарастающий ком неуверенности, который, без сомнения, выбил бы из Томаса всё желание что-либо делать, остановила Глория, медленно и вальяжно проходившая ко входной двери. Подойдя совсем близко, она села и тем самым взглядом нацелилась на дверь, а после и на самого Томаса, будто недоумевая, почему он всё ещё стоит на месте.

– Опять ради тебя? – чуть нахмурившись, спросил Томас. – Ладно... Ладно, ладно, ладно. – Томас посмотрел на тумбочку у лестницы, на которой он двумя днями ранее оставил подаренную Артуром флягу с мёдом.

Томас тяжело вздохнул и понял, что всё уже решил.

На то, чтобы добраться до бухты, у Томаса ушло меньше часа. Его катер с гордым именем «Седобородый» достаточно быстро справился с поставленной перед ним задачей. Для самого же Томаса ни прошло и пяти минут. Он пропустил весь путь, увлечённо рассуждая и на чистом автомате правя судном. В его голове смешивались два чувства: разумная опаска (но почему-то не та, что должна была остановить, а, скорее, которая поддерживала азарт) и будоражащая жажда

к открытиям. Долгое время в нем не играли эти две эмоции, и потому сейчас он, не имея от них защиты, слепо шёл ведомым.

«Седобородый» проплыл меж рифов в открытое пространство бухты. С новым интересом, коего не выказывал в предыдущие разы посещения этого места, Томас вглядывался в детали, опасаясь пропустить что-то важное. Очень напряжённо и немного трудно, ведь в глубине души он и не подозревал, что могло его тут ожидать. Никакие, даже приблизительные версии не всплывали в его сознании.

Томас остановил катер посреди бухты, став в некотором роде бельмом посреди бездонного синего зрачка. Он слегка нерешительно отошёл от штурвала и выглянул за борт, всматриваясь, насколько глубоко дно. Томас открыл для себя на удивление глубокую впадину, которая совершенно точно была чужда здешней местности. Он не придавал этому значения раньше, хотя, когда был здесь впервые ещё в детстве с отцом, заметил странную глубину и по-детски боялся выглядывать.

Томас вышел на середину палубы. Он достал из сумки рог и, взяв его в две руки, завис на нём глазами. После минутного промедления Томас резко бросил нахмуренные глаза на Глорию, демонстрируя свою готовность. Та ответила понимающим взглядом.

Лёгкие растянулись в мощной затяжке. Воздух, запертый в замкнутом пространстве, давлением распирает грудь. Ров-

ными, неспешными движениями рука приподняла горн. Губы прильнули к хвосту. Веки прикрылись, каждый мускул на теле расслабился. Томас выпустил сплошную струю плотного воздуха. Рёв разлетелся по округе, затмив все сторонние шумы.

Мир оглох. Томас замер в ожидании. Он скрючился, подобно опустошённому воздушному шарик. С крепко зажмуренными глазами, с частым дыханием кролика и с полностью спазмированным телом. Томас стоял, будто ожидая, что вот-вот упадёт небо. Только спустя несколько десятков минут он позволил себе сделать нормальный глубокий вдох и приоткрыть один из глаз. Ничего не происходило, а мир потихоньку стал возвращать себе жизнь. Вот уже и ветер снова вовсю завывает, чайки где-то в вышине оживлённо общаются друг с другом, и вода нещадно хлещет корабль по бокам.

Томас выпрямляет спину и оглядывается вокруг. Тело расслабляется. Его лицо выводит мину спокойствия. Он втягивает немного воздуха, желая что-то сказать Глории, и делает шаг в её сторону.

Деревянный настил скрипнул, «Седобородый» разломило пополам.

Боль, разливающаяся в груди, и свет, что скрывается за колоннадой остроконечных зубов. Единственные две скудные мысли, что успели искрами сверкнуть в отрешённой и ничего не понимающей голове несущегося в объятья разверзнутой бездонной Пасти Томаса.

Челюсть сомкнулась, монстр исчез в глубине.

Глава 5. Собор

В этот день всегда холоднее, чем обычно. Каждый год после процессии в воздухе виснут дымные облака ладана, что будят хроническую грусть жителей города. Яркий и знакомый до душевной боли каждому в этом городе запах окутал всю площадь, от дальних завалов до собора Святого Константина. По пути проходившей несколько часов назад процессии вьются терпкие массы дыма, и будут тут витать ещё несколько суток, напоминая жителям о прошедшем.

Лана бежала вдоль площади, жадно хватая ртом воздух. Очень уж долго она ожидала этого дня. Пришло время для того, чтобы наконец с гордостью сказать отцу Авдию, что она готова. Задержавшись у тётки, мнение которой сложилось в нескольких не совсем благочестивых строчках: «...плевать я хотела на этих моряков и на Авдия твоего», Лана ныне была раздосадована и омрачена тем, что приходится нарушать правила и подрывать своё положение в глазах «святого» человека.

Девушка изо всех сил рвалась подоспеть вовремя, не жалея силы и не принимая во внимание, что из-за чрезмерности вдыхаемого мохового ладана её восприятие чуть исказилось опьянением и она рискует упасть в обморок прямо тут, на сырую каменную кладку. Но вот собор уже выглядывает из завитков, а Лана быстро взбирается по ступеням вверх.

Запыхавшись, она прилегает к массивным воротам и останавливается, переводя дыхание. Ей нужно всего мгновение, чтобы вернуть ясность в голове. По его истечению Лана хватается за ручку и, прилагая все силы, на которые способна, тянет на себя. Из-за большого веса и слабых рук петли массивных бронзовых дверей издали протяжный и пронзительный скрип, что отразился в соборе, оставшись лишь эпизодической подпевкой высоким голосам хора. Искупив свою сконфуженность осознанием того, что её чудесным образом не заметили, Лана оглядела собор и поняла, что успела. Отец Авдий ещё не появлялся. Светлая улыбка дугой появилась на её лице.

Собор был полон. Все места, коих было более четырёхсот, были заполнены людьми, так что ещё где-то с полсотни стояло у входа. Лана, отстранившись от основной кучи, встала сбоку от последнего ряда с определённым желанием быть замеченной отцом Авдием, когда тот выйдет к проповеди. Она хотела как можно скорее увидеть его лицо, ведь несколькими неделями ранее определённо высказалась, что к панихиде огласит своё решение. И теперь, когда время пришло, Лана хочет, чтобы самый близкий ей на свете человек порадовался за неё.

Песнопения подходили к концу. Из-за постепенно затихающих ангельских голосов Лана все отчётливее начала распознавать два хриплых и тяжёлых баса. Двое мужчин, сидевших в паре рядов от неё, что-то увлечённо обсуждали.

Вся громкая сила надрывистого, явно из-за десятилетий заливания в глотку масс алкоголя, голоса полезла в уши девушки. Странно, что эти люди остались на проповедь. Основная масса верующих отсоединилась ещё на площади, ведь уровень веры нынешней паствы Дадахэма ограничен прогулкой вдоль мостовой, и только. Они тешат свою совесть, почтив умерших до врат собора. На первооснову этого мрачного дня, а именно на молитву, как повелось, большинству плевать. И с каждым годом это большинство растёт. Потерявшие родных всё реже обращаются к вере как к отдушине.

Так почему же двоим отборным морским чучелам так нужно было пребывать на завершающей части панихиды и своими гулками голосами мешать тем немногим людям, для которых этот день не просто мгновение, что нужно пережить, а нечто личное и важное? Этот вопрос, увы, остался для Ланы без ответа.

«Сволочи», – проговорила у себя в голове Лана.

– ...яного слышал? – возбуждённо произнёс мужчина помладше.

– Под Раусом, что ли? – предположил второй.

– Были, – добавил первый мужчина и кивнул. – Вчера загребают в порт корделика. Весь обжаренный, как цыплёнок, да с тремя дырами в пузе.

– Стоп, стоп, стоп. Времени-ка. Это как так в порт? В Люцейский?

Первый кивнул так, будто это само собой понятно.

– От, херня какая, – с ошеломлённым лицом проговорил второй.

– Так я того же. Де ты был, шо не видел? Там вся округа тёрлась. Ну, пока чёрнушники не проснулись.

Навстречу уходящему хору направился пожилой мужчина в белоснежной рясе. Девушка чуть подалась вперёд. Её лицо снова озарилось ярчайшей улыбкой, некогда прерванной безнравственными болтунами. Вот он. Тот человек, которого она ждала. Тот самый светлый и самый добрый. Многие в соборе знали отца Авдия и уважали его как человека высоких моральных принципов. Ему могли открыться даже самые замкнутые и нечестивые. Тем не менее появление столь значимого человека не помешало двум наглецам. Мужчины продолжали говорить, наплевав на все нормы.

– Я те говорю, чё-то происходит. «Багряный» чё-то готовит. Я знаю, – отведя глаза в сторону и прищурившись, проговорил первый.

– Знаешь? – резко бросил второй.

Первый скорчил вопросительную гримасу, не понимая, к чему этот вопрос.

– С чего это знаешь? Откуда? – пояснил второй довольно грубым тоном.

– Ну так «Синие пики».

– Что «Синие пики»? Я спрашиваю, на хрена ты с этим людом водишься? У тебя жопа давно в огне не бывала? Знаешь же, что в Дадхэме за такое вешают. За язык длинный.

– Ой, да на хрен тебя. Не твоей братии меня учить.

Мужчина в рясе подошёл к алтарю и, немного откашлявшись, громко начал.

– Здравствуйте и благословенны будьте! – громко разнеслось по всему собору, прерывая говорящих. – В этот скорбный день с нами нет епископа Иннокентия. Он пребывает в Граде с важным и неотложным делом. По этой причине мне, отцу Авдию, поручено прочитать завершающую проповедь. Но сначала молитва. – Отец Авдий отодвинулся на полшага от алтаря, взял двумя руками сверху и снизу Писание и громко начал молитву. В это же мгновение первый мужчина продолжил прерванный разговор.

– Ты слушай не слушай, а говорить буду. Я в пиках с несколькими челноками разговор имел. Все как один говорят. В Синерии подниматься будут.

Второй откинул голову набок, закатил глаза и тяжело выдохнул.

– Опять?! – усталым голосом спросил второй. – Им не надоело?

Лана, исполненная возмущением, шикнула в сторону мужчин. Те, на секунду прервавшись, посмотрели на неё, потом, скорчив наплевательские лица, продолжили. Лана нахмурилась, чем омрачила свой светлый образ.

– Про Лестера слышал небось? Да по-любому слышал. Он-то все эти геройства и творил. Нынешний капитан «Багряного».

– И чё с того? – наплевательски спросил второй.

– У Лестера ноль поражений. Ни разу с боя не сбегал.

Кто на твоей памяти на корналион вот так просто нападал? – быстро и возбуждённо проговорил первый.

– Раус. И закончил соответственно, – спокойно проговорил второй.

– Как он закончил?! Его не Канцелярия грохнула, а крыса какая-то!

Тут уже и отец Авдий услышал выкрики двух наглецов и на мгновение, что длилось меньше секунды, прервался. Вот этого Лана стерпеть не могла. Она достала из кармана какую-то бумажку, скомкала её и точным броском угодила прямиком в голову одному из говорящих. Он, опешив, встряхнул головой и приподнялся на ноги с бумажкой в руках да озлобленно недоумевающим оскалом на роже. Повернулся в сторону Ланы, но, заметив, что почти весь собор пилит его с собеседником порицательными взглядами, вернулся на место и притих. Его примеру последовал и другой мужчина. Они оставили разговор и стали слушать оставшуюся часть молитвы.

Отец Авдий дочитывает молитву, кладёт на алтарь святое Писание и открывает его на определённой странице, что была помечена красной плетёной закладкой. Медленно оглядев зал, его глаза попадают на Лану. Авдий незамедлительно отвечает ей зеркальной, столь же доброй улыбкой, что лучезарно светилась на её лице. Слегка откашлявшись, он стирает

с себя и малейшие признаки радости, делает строгую мину и начинает проповедь.

– Смирение! – громко вступил он. – Зачастую самым правильным становится путь примирения с волей судьбы, с волей Отца.

Девушка дрогнула, улыбка разрушилась.

– Мир, сотворённый Господом Богом нашим, несёт собой множество путей. Все они проложены пред нами не просто так. Каждый из них ведёт нас к осознанию себя и своих близких, но разной ценой. Даровавши нам выбор, Отче хотел, чтобы мы через него увидели, кем являемся. Оттого в моменты помрачения нужно иметь в себе силы смириться, ибо, что бы мы ни сделали, приведём себя лишь к ещё большим потерям, к большей цене за осознание.

Авдий, сохраняя невозмутимость, старался не смотреть на Лану. Его лицо было строгим и категоричным. Он долго готовил эти слова, вкладывая в них всю свою силу убеждения, и только двое из всего множества находящихся в соборе понимают, о чём эта проповедь и кому адресована.

– Как лишения воспитывают в нас чувство ценности, так смирение воспитывает видение праведности. Единственно покорившись течению, можно добраться до истинной цели, пускай часто она от нас и сокрыта. Мы ремесленники воли Господней, мы возлюбленные дети Его. Оттого каждый раз, следуя неверной гордости своей, вставая наперекор воле Его, мы словно идём супротив родичей наших. И прошу вас,

не путайте моё наставление с призывом к праздности. Как сказано устами пророка нашего, «Отец не даёт пищу в руки, но вскармливает её для нас». И когда нет пищи, значит, на то воля Его, и сомневаться в праведности воли Его означает сомневаться в мире, сотворённом Им, а значит и в Нём Самом. Оттого смирение есть величайшая сила.

«Нет».

– Оттого, смирившись, придём к свету.

«Это ложь».

– Сегодня я хотел бы вспомнить притчу о Мортэме и тлеющем ангеле...

Следующие слова отца Авдия пролетали поодаль от сознания девушки. И слова о праведной смерти дочерей и о последующем смирении Мортэмы. Лана была удивлена и не понимала. Отец Авдий, всегда пробуждавший в ней желание что-то делать, бороться с жизнью за своё счастье, сейчас призывал её сесть и смириться. Он призывал её отказаться от пути, обосновывая это тем, что она идёт против воли Отца. Отказаться от праведности во славу праведности. Мысли стали путаться. Девушка понимала, почему Авдий говорит это, но не понимала, как он может поступиться правдой, пускай даже ради спасения. Или же, напротив, неправда девушка. И мир, выстроенный во многом благодаря отцу Авдию, был нелепостью и, судя по последним словам, богохульством.

Захотелось крикнуть: «Как вы можете?!», но она на это не способна. Сейчас речь, что изливается по всему собору,

заполняет каждый свободный уголок в душе девушки, пускай она её уже почти и не слушает. Словно липкая масса, эти слова слипают подошвы её ботинок с полом, не давая пошевелить ногами, приковывая к месту, заставляя мириться.

Девушка понимает, что сейчас ей нужно пойти против воли отца Авдия...

«...или, быть может, против Бога? Нет, это не Бог. Это страх, говорящий устами святого».

И она права. Девушка для Авдия была дочерью, или даже больше чем дочерью, ведь даже со своей родной Агатой он не так близок. Проповедь пастыря искажена, и он пошёл на этот грех ради неё, ради того, чтобы она осталась жива.

«Нет!» – Она уже всё решила.

Девушка давно собиралась с силами. Каждое мгновение её жизни с момента откровения проповеднику было посвящено желанию отпустить ту ношу, что сдавила грудь, и даже уста, которые когда-то породили этот пожар, его уже не потушат. Теперь она дойдёт до конца и освободится. Теперь её мечтания о собственном чистом мире будут не просто отзвуком жгучей надежды, звучащей для самоуспокоения. Лана найдёт и простит.

– ...Ныне же, всё-таки принеся свою жертву, она является матерью нашей, пускай злые языки и считают её названной. Во имя очищения, во имя света, во имя Матери Смерти. Аминь!

Закончив проповедь, пастырь посмотрел на девушку

и увидел для себя неожиданное. Глаза её горели решимостью. Пускай он и верил тому, что говорил, или, вернее, поверил ради благой цели, добиться своего он всё же не сумел. Её воля не была сломлена. Он опустил глаза в знак поражения и указал ей жестом, что хочет поговорить в его покоях.

Люди направились к выходу. Лана, потеснившись к стене, выждала несколько минут, когда основная масса людей уйдёт из собора, и направилась за священником. Недлинный коридор, лестница наверх, и вот она смотрит на него, стоящего в дверном проёме. Отец Авдий поднимает на Лану грустные глаза. Он смотрит, сдерживая позыв броситься вперёд и начать умолять девушку остаться, смириться, попытаться начать снова жить.

– Лана, девочка моя! – Авдий расставил руки, приглашая девушку в свои объятия.

– Дядя Авдий! – девушка подошла к священнику и обняла его так крепко и отзывчиво, что он почувствовал теплоту её сердца, и пускай этот жест девушка сделала не совсем искренне, он был исполнен настоящей чистой добротой.

Лана, помолчав с минуту, разжала объятия и тут же спросила другим, более тяжёлым тоном: – Почему смирение?

Авдий чуть нахмурился. Он не хотел лгать, но, более того, он не хотел отпускать Лану на смерть. Если бы существовали такие слова, которые остановили бы её от поездки, он бы сказал их, и не важно, насколько они были бы ужасны или что за последствия вызвали.

– Ты не поменяла решения, – ответил на вопрос проповедник.

– Я отплыву в Вестовой день, – проговорила Лана, как бы утверждая слова отца Авдия.

– Нет, нет, нет... – шёпотом повторял святой отец, качая головой.

– Я наконец сделаю шаг, – серьёзно и безмерно уверенно проговорила Лана.

– Нет, – горестно повторил Авдий.

– Я найду его, увижу...

– Ты не должна идти на такое. Ты согрешишь, – растягивая слова, выговорил отец Авдий и склонил голову. – Ведь сама же это знаешь, только не признаёшь.

Лана опустила тяжёлый взгляд вниз. Она была уверена в своих принципах, и потому подобные слова из уст столь близкого человека были ей неприятны. В особенности оттого, что этот самый близкий человек в неё не верит. Лана выдохнула и с хмурым видом начала:

– Как вы можете? О каком же грехе вы говорите, если сами создали мою веру? Дядя, это ведь вы рассказывали о том, что нужно оплакивать обидчиков сильнее, чем обиду, нанесённую ими. И я прощу, и я оплачу. Мне только нужно выговориться ему или его могиле, всё равно. Мне тоже страшно, но пусть лучше умереть, чем нормально не пожить. Разве не так? Если я... – Лана чуть замялась. Она почувствовала, как к горлу подступает комок, но тут же отправила его на-

зад. – Если я смирюсь, то какая жизнь меня ждёт? С постоянной оглядкой на этого человека? Нет, дядя, нет. Я не оставлю всё вот так. Где бы он сейчас ни был, хоть на самом дне, я отыщу.

Лана строго повела рукой в воздухе, указывая, что говорит всё не просто так.

– А что мне делать? Если этот огонёк у тебя в глазах погаснет, что мне делать? Ты последний лучик света, оставшийся в этом мире. Если хору однажды придётся петь панихиду по тебе, я не выдержу. Я... Я умру... – Отец Авдий сорвался на плач.

В глазах Ланы встала вода, горючей стеной заслоняя взор. Девушка подалась вперёд и крепко обняла отца Авдия, чтобы скрыть от него своё лицо. Меньше всего на свете она хотела терзать душу святого. Потому она должна казаться сильной и непреклонной, даже если внутри вся исходит визгом от душевной боли. Лана сжимала в крепких объятьях Авдия и незаметно от него утирала слёзы.

Они стояли так очень долго, вжимаясь сердцами друг в друга. Это объятие никому из них не хотелось прерывать, но миновал вот уж десяток минут, и отец Авдий, отпустив Лану, отошёл на шаг. Он достал платок и промочил им свои глаза. Лана, улыбаясь Авдию, взяла его руки и поцеловала, тихо проговаривая: – Всё к лучшему.

– Храни тебя Отче наш и Матерь наша. Пойдём помолимся, девочка моя. Единственное, на что я теперь способен.

Глава 6. За замкнутой челюстью

Солнце, застывшее на кронах глаз, бессознательная туша, недвижимо лежащая на чуть беспокойной глади, вода, замораживающая разум, неожиданные встречи с обломками, отзывающиеся скорыми фейерверками в онемевшей плоти, и боль в груди, что волнами обдаёт всё тело, не давая провалиться в обморок. Все эти мысли – словно образы в тумане. Дымные завитки, что наполняют голову, уберегая от безумия. Лишь потому, что извилины накрыты плёнкой озабоченности о «внешнем», Томас всё ещё способен мыслить. В этот безрассудный туман он забрёл, когда его инстинкт самосохранения посчитал всё вокруг слишком ненормальным, чтобы продолжать искать смысл. Но жернова через силу перемалывают неуютную информацию, медленно рассеивая облака.

И вот через незримую заслонку удаётся проскочить мысли, обещающей в перспективе прервать отстранённый ступор и направить разум к размышлению. Мысль глупая, но успевает породить справедливую дочернюю.

«Почему Пасть? Почему в Пасти воздух?» – гулким эхом расходится по пустому пространству, в котором ранее обитали мысли.

Гролом звучат эти слова, знаменуя череду вопросов к самому себе и, кажется, к самой природе вещей. Это поверх-

ностное касание самых насущных проблем стоило ему колоссальных сил и где-то около получаса состояния амёбы. Теперь, озвучив, пускай только в своей голове, объект своего страха, он признал его, всмотрелся, раскрыв пошире веки, и согласился, что он есть. Томас робеет перед ним, боится так, что терпит в голове образ невообразимо ужасных зубов, скрывающий его от света, и на без того беспокойной воде пускает вздрагивающим от страха телом кольца.

Всё больше нарастает гул в ушах. Тот самый, что наружу давит перепонки. С треском ноет голова и, кажется, расходится по швам. Грудь обдаётся колкой, рвущей болью. Томас принимает новую дозу мучительной трезвости и выживает следующую мысль.

«Монстр опускается глубже» – вполне разумное и очевидное умозаключение. Томас принимает его без паники, но с заметной долей страха и мыслью об усугубляющейся с каждой минутой безысходности.

Бесчисленные литры воды давят на барабанные перепонки Томаса. За весь тот срок, пока он тут, существо успело проплыть далеко и глубоко, потому решение этой ситуации должно раскрыть себя как можно скорее или быть насильно раскрыто. И этот ступор, вызванный опьяняющей, несравнимой по градусу с любым алкогольным напитком ситуацией, должен быть развеян, ибо только он отворачивает Томаса от важного. Ведь нужно продолжать думать. Не о природе чудища, а хотя бы о спасении.

Новая волна боли, и новая порция трезвости.

«Почему я жив? Почему оно оставило меня в живых?» – проговорил Томас, бесшумно шевеля губами.

Вот то самое странное, что правит здешним балом. Если монстр хотел смерти Томаса, то просто бы проглотил или не оставлял бы воздуха. Но чудище сделало всё возможное, чтобы держать своего пленника в живых. Значит, всё это странное, приведшее невольника в тюрьму, чем-то озаменовано, имеет какой-то потайной и пока что скрытый от Томаса смысл. Теперь, нащупав эту нить, можно выйти к вариантам спасения.

«Дурак. Идиот. Какое спасение?» – прокомментировал Томас звенящую боль в ушах и осколки своей надежды.

Это правда. Монстр уплыл достаточно глубоко, чтобы лишить Томаса любой возможности на самостоятельное спасение. Но даже при таком раскладе это не тупик. Чудище оставило его в живых. «Почему?» и «зачем?». Вот те два вопроса, что смогут его спасти, гипотетически. Они раскрыты и представлены ему. Сейчас лишь нужно в них всмотреться. Тем более что с каждой приливной, болезненной волной туман отходит дальше. Теперь он достаточно далёк, чтобы начать искать, где берег.

Но Томас отвечает буйством. Его рассудок, наспех собранный из эпизодов просыпающегося разума, обращается не в рассуждение, а в поиск виноватых. С закрытыми от реальности глазами он не увидит выхода, но спокойно най-

дёт на кого обрушить полчища своего «праведного» гнева. Возможно, именно подобное отношение и губит в критических ситуациях, ложно увенчивая их патовыми. Отношение: «лучше пылкий ум, чем хладный разум». И вот тебе уже не так страшно будущее, ведь ему виной не ты. Это тот таинственный виновный многоликий, что образ обретёт, удобный Томасу.

Томас поплыл наперекор. Он знал свою зону комфорта и, облитый грязью незваного Артура, решил выйти за неё. Томас корил себя, но первопричиной своей глупости считал перемены. Он посчитал, что в них таится та проклятая мысль, что увела его сюда, в сырую лужу из морской воды и монстровых слюней.

Очевидно, Томас слова не давал тем чувствам, что будили в нём азарт, иначе это бы выставило его виновным. В те моменты, когда он трепетал от незнания, когда опасался следующего шага, но всё-таки шагал, он был живой и настоящий. Томас слова не давал тем чувствам, потому что должен был кого-то обвинить.

Он злился. Злился несправедливо и безрассудно. Злился на всё вокруг. И трижды проклинал Артура, и сферу, и даже Глорию, но только не себя. Теперь Томас хочет метать и рвать. И потому он погружает ноги в воду, и потому нашупывает ими дно.

Томас уверенно впивается подошвами ботинок в мягкую и упругую плоть. Животное издаёт оглушающий, протяж-

ный рёв, что пугающей громкостью несётся из бездонной глубины глотки. Этот ужасный звук заставляет тело Томаса неметь в страхе. Его ноги подкашиваются, и вот он уже опускается обратно, поверженный непомерным ужасом.

«Нет, нет, нет!...»

– НЕ-Е-Е-Е-Е-Е-ЕТ! – Томас утверждает на ногах и, выпуская весь томившийся в груди воздух, орёт ответ.

Он вопит. И маты, и проклятия. Всё, что сидело и копилось в его воспалённой голове. Надрывая горло хрипящим, полным ором, таким, что испугал бы, наверное, его самого в иной момент. Томас кричал, пока не выпустил всё, что было на душе и в лёгких. Пока от нехватки воздуха не вскружилась голова. Как после вскрытого нарыва, его облегчённое сознание пошатнулось. Он повис на месте, покачиваясь из стороны в сторону, глубоко вздыхая, стараясь пополнить потраченные силы. Он не понимал, что сделал, и понимать уже не хотел. Лишь краем разума осознал, что смелее, чем сейчас, не поступал. Он выругался в ужасающую морду самой смерти, и смерть ему покорилась. Животное замолкло.

Всё произошедшее осадило его гневливый ум. Томас больше не бунтует и не истерит. Выпустив давление, он открылся для рассуждений, которые в пору было бы начать минут двадцать так назад. Несмотря на всё желание отстраниться, Томас давно уж понимал, что его ждёт дальше. Всё происходящее вопило, что будет только хуже. Он понимает, рано или поздно Пасть раскроется. Понимает, что вошедшее

через ограду острых зубов пожелает его смерти. Томас страшится этого, но стоит. И более не ляжет. Он решает встретить пришедшее с поднятой головой. Не битвой, но хотя бы дракой. Махая кулаками, стараясь угодить куда больнее.

Томас хочет выжить. Потому он раздувает те жалкие угольки, что тлеют в темноте его глаз. Он раздувает их в огонь и хочет привнести его в лицо зашедшего по его душу. Томас вздыхает и сжимает пальцы в кулаки. Он поднимает голову и взглядом устремляется вперёд.

Рёв. Распевный и полный боли. За ним стоит всё то, что ниспровергло Томаса сюда. Рёв несёт повестку, что скоро всё уж разрешится. Томас в готовности сгибает ноги, чтобы рвануть вперёд.

Из щелей меж зубов хлынули холодные потоки. Ворвавшееся в пасть было черней той беспроглядной темени, что правила тут до. Эта проклятая жидкость высасывала всё вокруг пространство, устанавливая над ним право темноты. Тьма вмиг потушила весь пожар Томаса, сковала тело и парализовала разум. Он сдавшимся встретил жаждущую его смерти темноту.

Это не вода на него хлынула, а кровь. Та кровь, что, наверное, питает жилы самых злобных и кровожадных тварей. Она в мгновение схватила тело Томаса и начала тянуть, врезаясь своими проклятыми лапами поглубже в плоть.

Он думал, что готов, он думал, что вступит в бой. Но Томас умер, когда в последний раз взглянул на солнце.

Кровь вырвала его из Пасти и бросила в Бездну.

Глава 7. Чёрная утроба

Здесь нету времени и хода мысли. Нет света, а вместе с ним и воли. Здесь нету низа или верха, ни права нет, ни лева. Сплошная, простирающаяся, кажется, до самого края мира пустота. И Холод, конечно холод. Тот самый, что пронизывает существо до самых недр. Здесь тишина, что оглушает звоном, и темнота, что заслоняет глаз.

Тут одно тело, застывшее в бездонной клоаке. Лишь тело, не душа. Душа отступила куда-то на задний план. Поспешно скрылась, вжимаясь в тесный уголок, и ныне, уливаясь слезами, плачет. Она наблюдает оттуда за плотью скованной толщами проклятой воды. Воплощённые руки потонувших здесь некогда мертвецов тянут его вниз. Незримые и неосязаемые, но такие же реальные, как он сам. Хватка их сильна и болезненна, но тело противится. Оно, дрожа и млея пред злобной силой, сворачивается в кокон. В зародыш, обречённый не на жизнь. И тёмный мир стал этому зародышу утробой.

Бездна стучится ему под веки, кричит, что хочет быть внутри. Поёт на ухо, поглаживает щёки до безумия ледяной, безжизненной рукой. Кожа покрывается мурашками, а веки – кристально чистыми слезами, что в мгновение вбирают в себя чёрные уста. Тёмная кровь желает сделать его тело лептой, что заплатили сотни тысяч до него. Она стремится

ся внутрь, чтобы изменить его природу, прикрыв свой проклятый ритуал ласками темноты. Тело борется, противится, сжимается всё сильнее, но сдаётся. Отпускается на чужую волю и разводит руки. Темнота нежно открывает его рот и заполняет всё изнутри собой. Каждый уголок, каждую излучину. Свет на кронах затухает. Зародыш тонет в темноте.

«Боль!»

Грудь взорвалась страданием. Сильный удар трезвости, непомерный с предыдущими. Он расколачивает о себя голову Томаса, заставляя открыть глаза и посмотреть, где он находится. Заставляет его опомниться, понять, что мотор ещё колотится, а извилины выдают мысли. Томас, следуя боли, озирается, но ничего не видит. Кругом тёмные пустые дали. Кругом Бездна.

«Страх!» – теперь его очередь.

Томас бросается во все стороны, вскидывает головой, ищет что-то, за что можно схватиться. Он паникует, мечется, дрожит, не может осознаться, а боль всё хлещет по груди волнами. Остатки воздуха с напором покидают разрывающееся на все четыре стороны тело.

Искра далеко над головой. Всего секунду, но этого достаточно. В такой необъятной темноте она словно солнце. Кроны желтеют, Томас устремляется всем существом к свечению. В буйном спазме он рвёт руки вверх и вниз, двигается с места. Гребок, ещё один, и вот он, надрывая мышцы, взмывает вверх.

Грудь рвётся на части, а он всё гребёт. Кислород кончается, как и силы, а он всё гребёт. Мысли исходят на панику, а он всё гребёт. Не замечает, как онемело тело. Обделяет вниманием, как шум с краёв глаз льётся к середине. Единственно, что остаётся важным, – это искорка, что медленно скрывается за сужающимися границами обзора.

Он вырывается на поверхность. Взлетает, взрывая зеркальную гладь пеной. Томас зависает на мгновение в воздухе, откидывается навзничь и падает на воду, словно на бетонный пол. Лёгкие растягиваются, изгибая до предела грудную клетку. Сердце, срываясь с места, разносит кровь во все онемевшие участки плоти. Томас жадно хватается ртом воздух.

Вода летит во все стороны от его беснующихся рук. В диких спазмах, обуревавших всё его ослабевшее тело, Томас колотит руками во все стороны. Он панически беспокоит воду, возвращая себе почти покинувшую его душу. И вот уже горячая кровь отливает от висков, а горло уменьшает глотки кислорода. Томас, замерший спиной на воде, наконец открывает глаза, чтобы, лицезрев всю ту же черноту, разочарованным закрыть их наподольше, провалиться в сон, более похожий на обморок.

Он не спал. Томас проваливался в варево, но, как только терял равновесие на воде, возвращался обратно. Где-то десятков раз, пока не выдохся, и прекратил попытки. Неумолимое желание сна донимало голову, но разум стоял на своём.

Если Томас уснёт, то умрёт.

Томас с трудом приоткрывает глаз, за ним другой. Размытый образ чего-то тёмно-серого встречает его взгляд. Глаза покрыты дымкой. Томас медленно моргает, после ещё раз, третий, четвёртый. С каждым медленным смыканием и размыканием серая, расплывчатая фигура получала больше черт, постепенно превращаясь в осмысленный образ, пока наконец не предстала перед Томасом во всей красе. Поседевший локон волос, упавший на лицо.

Томас всматривается в него, не переставая моргать, будто считая то бельмом на глазу. Этот локон пугает. Не так, как раньше. Вызывает не животный страх, а скорее глубоко душевный. Локон словно эпитафия ко всему пережитому, и было бы странно, если бы его не было, вот только некий оттенок жалости вкупе со всё продолжающимся испугом ознаменуют горечь по утраченной молодой черноте волос. Томас продолжал бы смотреть в эти слипшиеся от тёмной пакости седые волосинки и дальше, если бы не почувствовал знакомую грудную боль с переходящим в область живота давлением.

Томас медленно переваливает глаза вниз. Шея приподнимается, отчего нижняя часть погружается на пару сантиметров в воду. Среди разорванных лохмотьев, что когда-то были его кофтой, Томас наблюдает комок чего-то неопределённого. Такого, что должно было бы испугать поболее, чем поседевшие волосинки. Вот только Томас смотрел с удивлени-

ем и усталостью, а не с уместным в таком положении вещей ужасом. Полускованным правым глазом и обвалившимися куда-то ниже, ближе к скулам, бровями.

Комок медленно приподнимается, всё больше открываясь перед Томасом. Разворачивается, вальяжно выводя голову из прижатого к собственному телу состояния. Комок замирает по направлению к лицу Томаса. Мгновение – и на чёрной голове загораются две яркие зелёные сферы. Томас устало выдыхает и отбрасывает голову обратно в воду.

Кошка выпрямляется. Она чуть отходит, вынимая окровавленные ногти из рваного месива в груди. Находит место посередине живота и останавливается, поминутно оглядываясь, видимо в страхе свалиться.

Глория пропадает из внимания Томаса. Усталый, он обделил её дальнейшим интересом, не желая разбираться, как она пережила всё то же самое, что и он. Томас обратил свою и без того полную роящимися в панике тараканами голову во что-то менее приятное, но более важное. Решения. Опять этот проклятый порочный круг.

Тучи вопросов. Они всё разрастаются и уже подобны буре. Были и такие, что спокойно выбивали почву из-под ног. Но он без тени сожаления парировал их и отбрасывал в сторону. И, возможно, только отчасти это было правильно. Что толку верещать по тому, что не способен изменить. Это было бы неизменной правдой если бы только не всплывало одно «но». Что же Томас всё-таки способен сейчас изменить?

Что способен человек, находясь в бесконечной тёмной пустоте, до краёв наполненной гниющей чёрной водой? Там, где нету волн, а как следствие, и ветра. Где солнце или луна, или звёзды, или любое другое мало-мальски яркое природное светило, казалось, насильно были потушены. На что теперь способен Томас?

Он носом выпускает мощный напор пара и устало встряхивает головой. Томас даёт себе ответ на этот злосчастный риторический вопрос. Сейчас он способен найти свет, что лёгким одеялом ложится на водную плоскость вокруг. Томас снова делает над собой усилие и поднимает голову. Глаза в размытости теряют всякий фокус, но Томас, собравшись, возвращает его на место. Концентрирует взгляд на чём-то ярком и наконец улавливает линии, что собираются в образ буя. Стальной цилиндр метра три высотой на большущем поддоне. Яркий ореол света окружил его вершину и бликами ложился на зеркальную плоскость вокруг. Эта странная картина рождала тёплое чувство в груди. Будто из всей чёрной и холодной пустоты только тут осталось упоминание о «хорошем». Один-единственный его осколок, крохотный, но оттого не менее тёплый.

В душе засияло желание. Вся природа Томаса, как и тогда, в глубине, устремилась к свету. Он захотел туда, чего бы это ни стоило. Томас часто дышит, наполняясь силами и решимостью. Прогоняет через голову, что возможно сделать с Глорией, и не находит ничего лучше, чем поставить её

на голову. Томас тянется к кошке, берёт её под бока и поднимает. Из-за всей этой водной гимнастики равновесие нарушилось, но опущенные в воду ноги быстро вернули его под контроль Томаса. Глория приземлилась на голову, ногтями плотно войдя в кожу. Она утвердилась посередине черепа, оставив ещё несколько достаточно болезненных ссадин. Тёплые потоки крови текли по затылку Томаса и скоро поглощались чёрной водой. Онемевшей от холода коже они кажутся кипятком, медленно льющимся на голову. Томас не стал выказывать кошке свою озлобленность, не видел в этом смысла, но она обуревала его голову и даже преподнесла его сознанию пару неблагочестивых идей. Он постарался подавить их идей, что главенствовала над его желанием сейчас. Томас лишь скорее хотел достичь свечения, точно в нём сошлись бы все возможные решения и ответы.

Выдохнув, Томас трогается с места. Медленно, без резких движений, загребая назад массы воды, они плывут вперёд. Чуть вздрагивая от каждого гребка, Глория старается не шевелиться, как бы осознанно не желая причинять боль, и в конечном итоге она всё же привыкает к темпу. Томас набирает скорость, и вот они уже достаточно быстрым ходом пересекают гладь. Буй становится ближе, а свет его всё ярче и теплее.

Томас чувствует, как по застывшим в воде жилам струится кровь. Это странное, слегка покалывающее, но приятное чувство напоминает ему, что, несмотря на пережитое, он всё

ещё жив. Напоминает, что могло быть куда хуже. И пусть эта мысль не особо радует, она всё же придаёт какой-то да тонус.

Они пересекают отрезок примерно в треть пути. Томас ощущает, как Глория двигается на голове. Ранее – как вкопанная, теперь же поминутно вскидывает лапой в воздух, каждый раз больно царапая кожу головы. Томас чувствует, как кошка переваливается куда-то за спину. Слышится грозное шипение. Томасу больно, и он хочет выругаться на животное, но вдруг слышит проносющийся сквозь грозный голос животного цокот. Он доносится из-за спины, и его источник явно становится всё ближе. Томас решает посмотреть, хотя и до безумия боится, всё же считает это необходимым. Голова сворачивает на плечо, край взора улавливает то самое, что заставляет кошку биться в страхе. Лишь краешек. Размытый, непонятный образ, и Томас рвётся во весь опор вперёд. Загребает с безумной силой, не жалея тела и рвущейся кожи головы. Он, заходясь дыханием, в буквальном смысле пролетает оставшиеся метры до буя. Дистанция всё меньше, звук всё ближе. Томас более не позволяет себе оборачиваться, ведь понимает, что случится, если он различит что-то более, чем черты силуэта с красными бусинками в тусклом свете.

Вот они уже у буя. Томас поднимает с головы Глорию и уверенным броском закидывает её на металлический поддон, после чего рывком поднимается сам. Он озирается во круг в поисках хоть чего-то для защиты, но не успевает.

Всплеск воды, громкий, как выстрел из пушки. Томас вжимается всем телом в стальную конструкцию и крепко жмурит оба глаза. Он не знает, чего ждать, но осознаёт, что смотреть на это не будет. Томас чувствует болотное дыхание на коже, чувствует пар исходящий от тела существа. Оно уже совсем близко. Но чудище вдруг медлит.

Сердце заходится диким стуком. Эта тварь хочет сильнее напугать. Хочет из жертвы выдавить пронизывающий уши, жалобный крик. Иной причины невозможно отыскать. Пульс отдаётся в ушнях, оттого Томас не слышит, как начал скрежетать механизм за его спиной. Лихорадка не позволяет ощутить, как завертелись шестерёнки в глубинах этого большого стального аппарата. Зажмуренные глаза не позволяют увидеть, как световая заслонка выскакивает вверх и свет вокруг вспыхивает ярко-зелёным цветом. Кожа на чудище шипит, как от ожога кислотой. Томас открывает глаза лишь в тот момент, когда испуганный и покрытый кровавой шипучей пеной монстр скрывается в недоступной для глаза темноте.

Томас мгновение проводит недвижимо в страхе перед возможным продолжением. В то же мгновение, как заслонка позади падает и свет возвращает жёлтые оттенки, тело Томаса обмякает, расплываясь по поддону. Глория, вздрагивая, выходит из укрытия. Она теснится под рукой Томаса и крепко прижимается к нему. Вдвоём они лежат там в кругу света, посреди бесконечных чёрных вод и пустыми от ужаса глаза-

ми смотрят в не менее пустые дали.

Глава 8. Ответ

Цокот зубов застыл на периферии слуха. Звучит откуда-то из далей эхом. И непонятно, страх ли подстёгивает в памяти доводящий до безумия стук чудовищных зубов, или то признак жаждущего за границей света. Томас не разбирается, и даже особо не боится. То светлое, что он вложил в этот чудотворный буй, оправдалось, даровав ему спасение. И время. Даровав львиную долю времени, чтобы обхаживать со всех сторон в голове образ чудовищного «нечто».

Рука тянется к груди. В голову лезут рассуждения. Новый виток всё таких же, ни к чему не приводящих, мыслей. И теперь даже паника кажется милее. Но ничего. Томас наспех в неё войдёт, не обнаружив в голове ответов.

Делать нечего, и это должно быть ясно. Вполне понятная и здравая идея, оставаться в этом странном, но, судя по всему, безопасном месте до рассвета, надеясь, что кто-нибудь спасёт. А если нет, то постараться вплавь достигнуть суши. И ясно всё предельно и понятно. Вот только та сука злобная, что каждый раз гвоздём царапает извилины, заставляя безвольное сознание страдать в стыде к полной своей безысходности, сейчас упорно практикует свой зверский ритуал на мозге Томаса. Всё продолжает задавать вопросы и повторяет о необходимом поиске ответов. Но какие ответы могут быть? Какие ответы способен найти Томас, если всё его ми-

роошущение рушится непомерной глупостью повторяющегося звоном в голове вопроса: «Почему в августе моя кожа покрывается инеем?» Он медленно следит за этим проклятым чудом, которое словно фейерверк на празднике абсурда. Томас не понимает, почему всё так, как оно есть, и оттого ему сейчас безумно тошно.

Холод пробирает до костей, отбивает дрожью ритм на коже. Единственное, что умаляет ситуацию сейчас, – это крохотные струйки крови, что сочатся из разорванной груди, но их ублажающий жар лишает Томаса тепла внутреннего, постепенно умерщвляя. Томас убирает руку с израненной груди и прикасается ей к Глории. Он сворачивает голову взглядом на кошку. Её некогда чернеющая шерсть вся покрыта белёсым налётом, словно присыпана снегом. Томас прижимает её сбоку к себе рукой, понимая при этом, что ничем не делает лучше. Рука его как будто из чистого льда, и, наверное, такая же хрупкая.

«Пасть, монстр, цокающий зубами, горн, буй... Артур», – вопрошающие образы, остающиеся без ответов. Они путаются и сталкиваются, роятся и наслаиваются друг на друга. Все его мысли теперь словно песок или, куда вернее, прах. Томас не находит в нём опоры и задыхается, утопающий под его толщами. Всё понимание мира для него теперь настолько шатко, что непонятно, как не пришлось пока сомневаться в законах природы.

– А... постой, – Томас обратил внимание на иней, жадно

поглощающий свободное место на его открытой плоти. – Вот теперь всё правильно.

Томас хрипло смеётся. Он заливается жалким смехом, прерываясь на чудовищный ломкий кашель, весь надламываясь изнутри. В переменные мгновения, задавливая истерику и утирая слёзы, но через миг вновь сходится на рваный хохот. Продолжая изливаться, он смотрит на Глорию. Она недвижима, но не так, как должно. Так, будто ей больно держать ступор. Томас не чувствует её жизнь и в ту же секунду, прервав смех, пугается. Он хватает её обеими руками и поднимает вверх. Сквозь тонкую кожу он чувствует, как едва бьётся сердце. Лишь дальним эхом доходит до пальцев Томаса.

– Господи... – изломанным голосом проскрипел Томас.

Он распахивает куртку и выпускает шквал, казалось, багрового пара с металлическим запахом. Томас подносит Глорию к груди, как к самому тёплому месту, и скоро запахи вает её сверху. Придерживает её рукой, сильно вжимая себе в сердце, стараясь отогреть заиндевелое тельце багряными потоками, теперь уже заметно более редкими.

Томас, застывший взглядом на незримом горизонте, рыскает рукой по поддону. Он вспомнил про склянку. Ту самую, что в подарок досталась ему от всячески хулимого им Артура. Нащупав дрожащей рукой околевшую и постепенно покрывающуюся льдом сумку, он скоро хватается за собачку. Под звуки хруста и надлома Томас кое-как расстёгивает мол-

нию. Пошарив рукой, он вынимает склянку с такой яркой, что кажется горячей, жидкостью. Незамедлительно открыв её зубами, Томас выплёвывает крышку куда-то далеко в воду. Он опрокидывает бутылку и, вылив в себя треть, останавливается.

По всему телу пробежала тёплая волна. Она в мгновение согрела кончики пальцев, вернув им покалывающую чувствительность. Томас отпил ещё несколько глотков, после чего, слегка раскрыв сверху куртку и оголив голову Глории, прислонил к её рту горлышко бутылки и влил несколько капель внутрь. Кошка широко раскрыла глаза. В недовольстве она чуть покрутила головой, но, почувствовав, видимо, то же самое тепло в конечностях, приободрилась. Её полудрёма сменилась привычными эпизодами ступора. Жалко, что, как и с Томасом, чудесное свойство мёда продлилось недолго.

Конечно, апабский мёд неплохо сказался на поверженном холодом теле Томаса, но от обморожения он его не спас. Безумный холод всё так же довлел над ним и после осушения фляжки с солнечным нектаром. Меж тем опьянение быстро вышло на свет и ударило по ощущениям. Голову склонило назад. Томас прислонился ей к металлическим перекладам буя и неозвученной мыслью спросил сам у себя, не оставит ли на железе свою вмерзшую плоть.

Так Томас миновал минуты, а за ними и часы. Оставленный в холодном забытии своим же собственным разумом. С откинутой, казалось, не на металл, но на мягкую перину

головой. Томас слышит шум, что так размеренно вползает в его внимание. Этот шум покрывает тело, освобождая его от власти над самим собой. Смыкает его глаза, замедляет ритм дыхания. Дарит Томасу то, чего он так сильно хочет. Спокойствие. То самое, от чего недавно бежал. Противясь чему, он угодил в клоаку. Томас выдыхает кристальный пар и опускается в сладчайший сон.

Из сна его вытягивает свет. Через закрытые веки он проникает в глаза и даёт знать о своём присутствии. Хрустальная голова чуть двигается. Томас делает над собой усилие и приотворяет веки. Он видит облака. Пушистые, раскидистые, вьющиеся. Такие яркие и изливающиеся лучами света. Парящая частица солнечного неба над водной гладью.

Томас, не отводя изумлённых глаз, смотрит, как облака приближаются к нему, и на лице возникает едва заметная, тяжёлая улыбка. Перед Томасом открывается такая прелесть, что поначалу кажется иллюзией. Бьющий по ушам гудок разносится из-за облаков. Он в мгновение выводит Томаса и Глорию из предсмертного транса. Оба, спохватившись, подсказывают на месте. Томас, моргая, возвращает глазам чёткость и фокусируется ими на облаках.

Из завитков тумана выходит бьющее светом во все стороны судно. Корабль из странного тёмного металла. Глаза Томаса округляются. Несмотря на помпезный выход и странный вид корабля, всё это представление, возможно, было

меньшим по удивительности за сегодня.

Томас ни разу не видел ничего подобного. Типаж чем-то напоминал пароход, но судно абсолютно точно им не являлось. Этот корабль казался старше всех известных Томасу разновидностей судов. Точно давний предок современных кораблей. Сейчас, наблюдая впереди судно, оставляющее за собой, что немаловажно, зелёный дым, стелющийся по глади, Томас будто увидел некую старую реликвию и приятно отметил для себя, что она по-прежнему годится в пользование.

Судно подплыло поближе, и Томас стал различать детали. Он чуть шелохнулся, когда увидел женскую фигуру, медленно выходящую из тумана. Её стан облегал нос корабля. Прелестная женщина с повязкой на глазах и вытянутой вперёд левой рукой. Её длинное платье развевалось вниз под корабль и складками плавно переходило в волны. Казалось, что это она ведёт за собой судно, слегка придерживая его рукой. Эта женщина не была похожа на тех слепых богинь, образы которых достаточно часто всплывают в мире как лик беспристрастия. Девушка на носу корабля была слепа не из-за беспристрастия, но из-за страсти. Томас понял, увидев улыбку на её лице. Она пылала страстью к далям – и потому была слепа ко всему иному, и потому стремилась вся вперёд. Томас влюбился в неё. Быть может, оттого, что её лик был тем самым, что явился для его спасения, но тем не менее симпатия, возникшая перед этим славным образом, достаточно

отпечаталась в его памяти.

В надстройке, занимающей почти треть от всего судна (оно было достаточно небольшим), стала видиться мужская фигура. Из-за яркого света образ незнакомца обрисовывался лишь силуэтом без деталей. Проплывая мимо буя, мужчина повернул голову, приподнял свою шляпу, чем-то напоминающую цилиндр, и кивнул в знак приветствия.

Судно проплыло мимо. Томас, поражённый, опешил. Весь покрывшись лихорадочными спазмами, он стал выдавливать из себя слова:

– Спас... Спа... – Горло сходилась на страшный кашель. – Спасите! Спасите! – Крики разносились по всей округе. Звонкие печальные выкрики, которые, без сомнения, заделали бы чувства любого нормального человека.

Судно остановилось. Мужчина в рубке чуть опустил голову и с минуту поразмышлял под продолжающиеся крики Томаса. Резким движением, как бы говорящим: «А, ладно!», мужчина двинул пару рычагов, нажал на пару кнопок, и пароход проследовал задним ходом. Выключив боковые фонари, неизвестный выглянул в окно рубки. Мертвецки бледное лицо скорчило вопрошающую мину. Томас слегка поёжился, но сумел снова выдавить из себя немного надорванным от крика голосом:

– Спасите.

Капитан опустил взгляд и тяжело вдохнул. Он пару секунд показательно поразмышлял, взвешивая все за и против, по-

сле чего выдал фразу, бьющую, словно пощёчина.

– Чем заплатишь? – прозвучало со стороны холодного и безразличного лица.

Томас отпрянул головой назад и пустым взглядом обвёл своего собеседника.

«Что же ты за тварь-то такая?!» – выплыло из туманного болота сознания Томаса.

Капитан хотел показать, что ему плевать на положение Томаса, что он ныне властитель ситуации и при этом она его не особо заботит. Возможно, это было чуть наигранно, а возможно, он и взаправду был безжалостным сребролюбом, это на самом деле не так важно. Куда важнее, что этот Капитан тут. Что спасение, пускай и через мелочную душу ублюдка, всё-таки пришло к Томасу, а значит, он будет жить.

– В ка-ком смыс-ле? – по слогам проговорил Томас.

– Чем за проезд заплатишь? В таком смысле, – устало пояснил Капитан.

Томас с отвращением посмотрел на безнравственную морду перед собой. Дикая ненависть, и не только к безнравственному хладнокровию Капитана, но и ко всей его злощастной личности, подступила к горлу Томаса. Подавляя чересчур громко звучащее в одурманенной голове желание плюнуть в лицо бледного ублюдка, он нащупал сумку, уже почти полностью вмёрзшую в буй, с хрустом оторвал её и показательно продемонстрировал содержимое Капитану. Глаза заблестели, как у вороны. Капитан зажёгся, это прямо бро-

салось в глаза, и сам он не особо это скрывал, прямым текстом высказав объект своего желания Томасу.

– Вот отдашь его – и довезу тебя хоть до края Бездны, – Капитан указал на горн.

«...Бездны», – Томас попытался улыбнуться, отметив, что это слово как нельзя лучше описывает окружающую темноту, но лицо, по ощущениям, в тот же миг разошлось трещинами.

Рука углубилась в сумку и, достав из неё дракона, протянула Капитану, который, в момент его выхватив, спрятал за шиворот.

– Замечательно. Перелазь, – сказал Капитан, отворачиваясь к штурвалу с видом полностью потухшего интереса к собеседнику.

Томас приподнялся на дрожащие ноги, аккуратно придерживая Глорию. Кровь разлилась по студёным венам, голова загудела. По телу стали метаться въедчивые мурашки. Он был уверен, что вот-вот может рассыпаться, нужно лишь пару лишних движений – и побегут трещины, разрушающие тело. Томас пошатнулся, чуть не соскользнув с поддона, но, схватившись за перила судна, всё же устоял. Крепко вжимая в грудь Глорию, он перелез через перила и ногами утвердился на борту. Томас почувствовал необычайную безопасность, точно миновал все возможные угрозы.

Глаза оббежали взором судно. Палуба до отказа была заполнена ящиками и контейнерами самых разных разме-

ров. Томас, удивлённый, почему ящики не в трюме, заглянул в грузовой люк и обнаружил, что всё складское помещение донельзя уставлено ящиками. Плотнo один к другому. Увиденное заставляло дивиться грузоподъёмности этого судна, по размерам более напоминавшего катер. Томас углядел на корабле металл, дерево далеко не первой свежести, продукты и, что удивительно, землю. Огромное количество небольших контейнеров с землёй. В общем, на судне была куча самого разного продовольствия, которое в нормальном мире, во-первых, не возится так халатно вместе, во-вторых, не на таких судах.

Поискал на корабле место для себя, Томас нашёл такое позади Капитана, в рубке. Он не желал находиться поблизости с настолько мелочным человеком, но либо так, либо придётся мёрзнуть на открытой палубе. Краем разума задев в голове мысль о том, что на судне может быть ещё кто-то, Томас ещё раз оглянулся и вместе с Глорией уселся на довольно большой ящик с некой пестрящей цветом торговой эмблемой.

Капитан слегка бросил взгляд на севшего позади Томаса и, увидев его лихорадочное состояние, сказал: «У меня плед есть, в ящике справа», – всё с тем же отрешённым видом.

Это был странный эпизод проявления заботы, который шёл вразрез с тяжёлым образом, поданным Томасу ранее. Капитан продемонстрировал Томасу совершенно иную сторону своего характера, чуждую той, с которой он его встре-

тил.

Томас потянулся к ящику и достал оттуда большой плед, на вид хранящий в себе всё тепло мира. Томас укутался в него, словно в кокон. Своей серой невероятно мягкой шерстью плед нежно прилегал к коже, обдавая теплотой всё тело. В общем, на деле это чудо было ничуть не хуже, чем на вид.

Тепло вмиг разморило Томаса, и голова в то же самое мгновение начала клониться в сон. Он несколько раз взглянул на Глорию, дабы убедиться, что ей тоже тепло и уютно, и, закрывая глаза, откинул голову на ящики позади.

– Мы не порешили с проездом, – спокойно сказал Капитан, заметив уход Томаса в дрему.

Корабль тронулся с места. В глубине послышался скрежет, стук и свистящий напор пара. Томас поднял голову и обернулся в сторону буя. С благодарностью он посмотрел через наполовину сомкнутые веки на своего спасителя и попрощался с ним от всего сердца.

– А вы куда плывёте? – спросил Томас, не поворачиваясь.

– Дадхэм, – ответил Капитан таким тоном, будто удивился самой возможности подобного вопроса.

Томас вопрошающе посмотрел на собеседника. Он не знал такого города, потому предположил, что Пасть отнесла его очень далеко от дома.

– Ладно. А какие города будем проплывать?

– Уже никакие. Вон свет от города стал виден, осталось часа два, может три.

– А до Фагорта (город, в который Томас отвозил рыбу) долго отсюда добираться?

– Это... Это трактир какой-то?

– Нет, город.

Капитан удивлённо ухмыльнулся.

– Прости, малец, такого города не знаю.

Томас опустил взгляд на ноги. Голодные псы вопросами с новой силой вгрызлись в его извилины. Но Томас отбросил их, донельзя уставший оттого, что не может их побороть вразумительными ответами. Он сказал Капитану короткое: «Дадхэм пойдёт», – и, сильнее укутавшись в теплейший плед на свете, уснул.

Глория ёрзает головой, мягкая шерсть щекочет подбородок. Томасу удалось поспать, но лишь час. Он проснулся с ненавистным ощущением налёта на коже. Она полностью отогрелась, но последствия обморожения выступили в виде ломаных рытвин, в глубине которых по ощущениям полыхает раскалённая магма. Всё жжётся и свербит настолько, что, кажется, дотронься – и снимешь слой кожи.

Томас находит взглядом Капитана. Он стоит, опираясь на небольшой письменный столик, и листает некую книгу, внимательно выписывая в неё свои заметки. Сейчас, в более спокойной обстановке, Томас мог хорошенько разглядеть своего «спасителя». Тяжёлым взглядом он упёрся в кожу Капитана. Бледная, словно у трупа. Холодного, белёсого

с синими оттенками цвета. Из-за подобной патологии мешки под глазами кажутся темнее, и лицо походит на череп с туго натянутой поверх кожей. Одежда, вот тут самое интересное. Шляпа, пальто, больше похожее на сюртук, болотно-зелёная рубашка с жилетом и, судя по всему, золотой цепью от карманных часов. Будто мертвец, похороненный пару веков назад, а ныне вставший, чтобы на своём призрачном судне бороздить море.

Томас встряхнул головой, выбрасывая из головы глупости. Он высунул руку из пледа и выставил перед собой. По минутно глядя то на Капитана, то на свою ладонь, он поражался разнице в цвете. Из-за этих всплесков удивления Томас не сразу обратил внимание, что Капитан отвлёкся от книги, также детально рассматривая его, и, кажется, в точности с такими же эмоциями.

«Что за бред? Это я, по-твоему, странный?» – подумал Томас, поражаясь округлённой в удивлении надбровной дуге Капитана.

Мысли вспыхивают желанием спросить всё прямо. И не только о поведении Капитана, но и о Пасти, о чёрном монстре, о неизвестно куда девшихся солнце и ветре. Обо всём, что буравит голову. И Томас уже рвётся, но миг замолкает, издав лишь тихий писк. Он не знает, с чего начать. Не знает, как высказать всё волнующее его, чтобы не посчитать самого себя сумасшедшим. Что-то вырисовывая губами, Томас яростно рыскал в поисках подходящего вопроса,

но единственное, что пришло ему на ум, – спросить о времени.

– Простите, Капитан.

Капитан более откровенно повернул голову в сторону Томаса.

– Вы не подскажете, сколько до рассвета?

Лицо Капитана растянулось в самой широоченной из когда-либо виденных Томасом улыбок. Настолько резко и настолько безумно, что показалось дурным видением, кошмаром. Томас покрылся мелкой дрожью. Капитану будто всё стало ясно, в то же самое мгновение всё, что занимало его ум минутой ранее, увенчалось ответом. С Томасом же всё ровно наоборот.

– Рассвет? – переспросил Капитан с диким оскалом.

– Д... да, – осторожно подтвердил Томас.

Капитан снял шляпу и положил её на стол. Правой рукой провёл по зачёсанным назад волосам и остановил её там, раздумывая о чём-то. Разбирая некие новорождённые идеи в своей голове, Капитан стоял несколько минут недвижимый. После, сорвав своё остолбенение резким рывком головы, он надел обратно головной убор и повернул лицо к ожидавшему в незнании Томасу.

– Идти можешь? – резко спросил Капитан.

– Да... наверное.

– Вставай и иди сюда, – проговорил Капитан, разворачивая прожектор вверх и переключая на нём какие-то тумбле-

ры.

Томас вынул из-за шиворота Глорию и, укутав в плед, положил рядом. Приподнявшись на дрожащие ноги, он, едва сохраняя равновесие, выпрямился в полный рост. Голова резко закружилась. Томас сделал несколько шагов назад и опёрся на ящики. Встряхнувшись несколько раз, он всё же взял себя в руки и, покачиваясь из стороны в сторону, медленно подошёл к Капитану. Тот включил последний, самый большой тумблер, и вверх ударил плотный луч света.

– Не будет рассвета, малец, – и указал пальцем наверх.

Томас поднял голову. Сквозь завитки тумана наверху ему открылись величественные каменные глыбы, остриями свисающие вниз. Чёрные как смоль и огромные, как здания.

– Извини уж, – проговорил Капитан, чуть поведя бровью.

– Но... Что... – Томас опустил голову и, сдавшись, зажмурил глаза.

Капитан развернулся к штурвалу и едва слышно прошептал:

– Мы скоро прибудем.

Глава 9. Залитый зелёным огнём

Томас так и не вернулся к пледу. Он остался у боковых перил, не решаясь сделать и шага прочь. Его беспокойные глаза рыскали по всей округе, поминутно цепляясь то за сталакиты в вышине, то за пылающий свет, доносящийся из-за тумана. Будто Томас надеялся увидеть в них ответ. Но ни в зелёных огнях на горизонте, ни на тёмном скальном потолке таких ответов не водилось. В одночасье разбитый на мелкие осколки Томас не смел отпустить руки, что крепко сдавливали стальные перекладыны перил. Его мысли бросало из стороны в сторону, и не возникало даже мельчайшей идеи, чтобы остановить их безумный ход. Оттого Томас всё сильнее распыхлялся. Его недоумевающие позывы перерастали в гневные всплески. Томас не знал, что делать и как всё объяснить, поэтому его разум обращался в оборону.

Лицо свернулось в диком напряжении. Он вдруг почувствовал колкую боль в голове, уходящую куда-то вниз. Скрежеща зубами, он дёрганно повернулся к Капитану, который смотрел на него отчасти поражённым взглядом.

– Что за идиотизм?! Почему? Да как это вообще возможно?! – кричал Томас, впиваясь одичалыми глазами в лицо Капитана. – Это... это... ЭТО БРЕД! – взвизгивая, проговорил он.

Томас распыхлялся и громко кричал. Выбрасывал гром-

кие, зачастую бессвязные слова, и они оседали своей несуразной глупостью в воздухе. Томас задевал словами всё случившееся, но в основном лишь бессмысленно вопрошал. Он высказывал все эти гневные позывы грубыми формами в лицо Капитана так, будто это он повинен в произошедшем и теперь несёт ответ. Томас сворачивал свою речь в самые безумные стороны, стараясь внятнее описать произошедшее с ним, до тех пор, пока не выдохся. Томас освободил голову от нагнетённого в неё проблемами давления и, осипнув, осторожно сел, множество раз повторяя: «Я не понимаю».

На всём продолжении долгой и в некотором роде оскорбительной тирады Томаса Капитан молчал. Он выслушал очень внимательно всё то пакостное, что вылилось ему в уши, не поведя и бровью. Только когда подошёл конец, он немного откашлялся, поправил шейный платок и спросил:

– Закончил?

Томас ответил молчанием и грустным видом.

– Это не мои проблемы, – так спокойно и беспристрастно, будто и не сказал ничего вовсе.

Прозвучавшее ничуть не удивило Томаса. Он лишь убеждённо вскинул бровями, точно именно этого ожидал.

– Всем плевать, что с тобой станется. Будешь ты съеден химерой или просто прирезан привселюдно на улице – никто о тебе не заплачет. Всё вот это, что ты там наговорил, это твоя слабость, твоя проблема. Не найдётся добровольной души, что с тобой эту проблему просто так разделит.

Она твоя, и решать её тебе. А потому запихни свою истерику в то место, которым ты думаешь, и прими чистосердечный совет. Не считай, что вправе поливать людей говном из-за того, что тебя жизнь поимела! Она всех поимела, просто кому-то хватает совести вытерпеть, не подав виду, – Капитан высказал это с озверевшим лицом. Не позволяя себе переходить на прямые оскорбления, он обрушивался на Томаса тяжёлыми словами, что звучали подобно грому. Закончив говорить, Капитан резко отвернулся от Томаса, стараясь закрепить сказанное о безразличии. Он взялся за штурвал и продолжил держать путь на сияющую зелёным звездой вдалеке.

Томас внимательно выслушал слова Капитана, что своей резкостью привели его в чувство. Полностью выбитая ими истерика уступила место знакомому до боли вопрошанию. Он снова спрашивал и снова не находил ответов в голове. Томас вернулся к тому, с чего всё началось. Снова въедчивое чувство собственной незначимости. Ничего не было под контролем, и оттого страх становился не просто всеобъемлющим, а, казалось, хронически неодолимым.

Лёгкое, щекотливое чувство овило руку. Глория мягкой шерстью тёрлась о кожу Томаса, поглядывая в его лицо просящими взять на руки глазами. И Томас взял. Он прогладил вдоль тела руками, обхватил её под бока и переложил себе на ноги. Пальцы зарываются в угольные волосинки. Глория мурлычет. Возможно, впервые Томас слышит этот прелестный звук. Впервые слышит успокаивающий голос кош-

ки. Всего несколько мгновений спустя Томас вылавливает из остывшей головы уверенность и придаёт ей форму вопроса.

– Как мне выбраться? – так же, как Капитан ранее, спокойно и размеренно спросил Томас.

Тяжело выдохнув, Капитан несколько секунд помолчал, изыскивая, как бы ответить так, чтобы оградить себя от последующих вопросов и дать понять, что он не тот человек, которого о таком нужно расспрашивать.

– Ты меня не слушал. Совершенно не слушал. – Капитан повернул голову и по слогам проговорил: – Я не знаю!

– Как выбраться наверх? – будто не услышав Капитана, продолжил Томас.

– Не знаю, говорю! – озлобившись, бросил Капитан. – Думаешь, люди тут от хорошей жизни поселились? Нет выхода! Нет и не было!

– Должен быть! – выкрикнул Томас, резко повернув головой и приподнявшись. Он простоял в таком полуподнятом положении секунду, спустя которую успокоился, сел обратно и повторил ту же самую фразу шёпотом.

Капитан устало посмотрел на Томаса. Он хотел что-то сказать, но в момент остановил себя, встряхнув головой. Капитан противился всякому углублению в чужие проблемы. В его пропитанной циничностью голове всё ещё оставались частички человечности, что хотели помогать. И Капитан это знал. Потому-то он так явно душил все подобные позывы

в зародыше. Капитан верил, что лишь по-настоящему циничный человек сможет выжить в Бездне. Так научила его жизнь. Научила на множестве горьких примеров.

Капитан успокоился. Все позывы откатили обратно, оставив, как прежде, холодный, расчётливый ум. Вместо того, что хотел, он сказал:

– Дадхэм уже совсем близко, – и повернулся к штурвалу.

Томас поднялся на ноги и с Глорией на руках молча вышел из рубки. Он остановился у перил слегка впереди от надстройки, так, чтобы быть отгороженным от Капитана стеклом. Томас направил глаза на туманную даль, продолжая думать одну и ту же повторяющуюся мысль, которая курантами била в голове: «Что делать?»

Из туманных завитков вышла огромная статуя женщины. За ней в трёх сотнях метров не менее огромные освещённые стены, из-за которых выглядывали крыши зданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.